

Ольга Ткачёва

ПОВЕСТИ. РАССКАЗЫ

2021 г.

ББК 96(2Рос-Рус)95
Т-230

Ткачёва О. — Повести. Рассказы. — Издательство «Донской писатель» — Ростов-на-Дону — 2021 г. — 152 с.

Ткачева (Антропова) Ольга Яковлевна — кандидат в члены СП России, член Вседонского литературного сообщества (ВЛС) и литературной студии при РРО СП России, прозаик. В настоящее время живёт в г. Шахты Ростовской области. Её рассказы печатались в газетах «Донской писатель» и «Донской Пегас», в коллективных сборниках: «Донской литературный альманах», «На донских берегах» и др. Она — автор книги «Шахтинские рассказы» (2020 год). Новая книга О.Я. Ткачевой «Повести. Рассказы» предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 988-5-87612-086-3

© Ткачёва О. 2021 г.
© ООО «Издательство «Донской писатель» 2021 г.

ПОВЕСТИ

Сельский ухажёр

---

*«Есть многое на свете, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам...»
(трагедия «Гамлет») Уильям Шекспир*

Глава I. Свежи ещё воспоминанья

По телевизору смотреть было нечего: на всех каналах транслировали то сериалы про бандитов со стрельбой, то передачи про болезни и докторов. Пенсионерка Ирина Петровна с досадой выключила «ящик». «Уж лучше посмотрю старый альбом с фотографиями, молодость вспомню! — подумала она».

Альбом у неё был пухлый. Фотографий было столько, что на листах всем им не хватало места, и большая часть снимков была просто вложена между листами. Ирина Петровна любила неторопливо перебирать их, и порой не замечала, как начинала говорить сама с собой. Вот и теперь, найдя фотографию институтской подружки, она воскликнула:

— А вот Райка Григорьева! Какая она миленькая, а мы то считали её некрасивой! Как с возрастом меняется восприятие! Когда мы были молодыми, её лицо казалось мне простоватым, деревенским, а теперь вижу, что ошибалась! — Ирина Петровна вздохнула и опять забормотала:

— Молодость сама по себе красит. А вот куда девается красота в старости? Очень редко бывают красивые старики. Любая красавица в старости превращается в бабу-Ягу. Вон

известная актриса, как её там, фамилию забыла, как она ни старалась кожу за ушами натянуть, чтоб морщины разгладить, как не ухищрялась, а всё равно видно было, что не молоденькая. Вот у животных, порой даже не определишь возраст, а у людей сразу видно, где молодой человек, а где старый! — Она порылась в альбоме и вытащила очередную фотографию.

— А вот мы на «картошке», и я рядом с Галкой Ивановой.

Галка считалась самой красивой девушкой в их группе. У неё была стройная фигурка, как у балерины, а голубые глаза под густыми тёмными ресницами смотрели загадочно, будто она знала что-то такое, чего никто другой не знает. Чуть вздёрнутый носик придавал лицу задорное выражение, белокурые прямые волосы спускались ниже плеч, как у французской кинозвезды Марины Влади в фильме «Колдунья». Немного портили Галку чересчур пухлые губы. (Это сейчас модницы специально увеличивают губы в косметологических клиниках, а во времена молодости Ирины Петровны этого и в помине не было, а галкины пухлые губы были натуральные).

— Какой же это год? — прошептала Ирина Петровна. — Жаль, на обороте фото нет даты. Скорее всего, это 1969-й. Нашей группе тогда не повезло. Когда мы приехали в совхоз на картошку, нас поселили не на центральной усадьбе, как в прошлом году, а на хуторе. Ну, да, именно в тот раз Галку и подпалил её сельский ухажёр на стогу соломы.

Ирина Петровна отложила альбом. На неё нахлынули воспоминания: «Мы тогда были глупые, не понимали, что проживаем лучшие годы своей жизни. Нам казалось, что самое интересное в жизни произойдёт, когда окончим институт. На деле оказалось, что самая счастливая пора, самые ин-

тересные события происходили с нами именно тогда, когда мы были студентами».

Глава II. Принцип несовпадения

Хутор, в котором тогда поселили их группу, находился довольно далеко от центральной усадьбы. До него было сорок минут пешего хода, если идти по единственной, ведущей туда, грунтовой дороге. Можно было укоротить путь, если идти по тропинке через совхозные сады, которые почти вплотную подходили к хутору, но ходить по этому пути было страшновато, особенно в одиночку. То обстоятельство, что центральная усадьба была далеко, превращало вечера студенческой молодёжи в сплошную скуку. В их группе парней и девочек было поровну и, казалось бы, ничего не стоит образовать влюблённые парочки, но не тут-то было! Только Вася Петухов с Викторией Барановой были влюблены друг в друга и образовали пару, остальные находились в состоянии «несовпадения». Ирочка тоже не «совпадала» с тем, в кого была влюблена. В Юрика Чеснокова, старосту их группы, она влюбилась ещё на первом курсе. А Юрику тогда нравилась Галка, но у них тоже было «несовпадение». Он неоднократно предпринимал попытки за ней ухаживать, но всё напрасно. Галке нравились голубоглазые блондины, а Юра был кареглазый шатен.

Отвергнутый Галкой, он быстро «переключился» на других девушек, выбирая в подружки самых ярких внешне. Может, в душе у него и бушевала обида на Галку, но он не подавал виду. А Ира... Поначалу Юра не замечал её влюблён-

ных взглядов, а когда заметил, самолюбие его было приятно польщено, но и только. На первом курсе Ира выглядела ещё как подросток: небольшого росточка, худенькая, волосы коротко пострижены. Она любила носить брюки, свитерочки и спортивную обувь. О туфлях на шпильках она не хотела и слышать. Ира считала их неудобными, в них трудно было сохранять равновесие. Другие девочки легко освоили навык ходьбы на шпильках, наряжались по новой моде в короткие (выше колен) платья с силуэтом «трапеция», подводили чёрным карандашом глаза с длинными стрелками, как у египетской царицы Нефертити. Волосы на голове обязательно начёсывали, чтобы причёска была повыше, как у Брижит Бардо (французской кинозвезды) в фильме «Бабетта идёт на войну». Причёска так и называлась — «Бабетта». Все эти изыски моды Ире не нравились.

Всё изменилось, когда она влюбилась в Юру. Ей захотелось ему понравиться, она в срочном порядке модно приоделась: сменила брюки на мини-юбку, вопреки своим принципам стала носить туфли на шпильках, нарисовала стрелки в уголках глаз. Только вот начесать волосы на голове и соорудить «Бабетту» не удалось, уж слишком коротко она была пострижена. Разглядывая своё личико в зеркале, она пришла к выводу, что мать-природа поскупилась, дала ей самую заурядную внешность. Мама, застав как-то Иру перед зеркалом в тот момент, когда та разглядывала своё лицо, сказала:

— Одна была у тебя краса — девичья коса, а ты её обрезала и теперь у тебя причёска — «Я у мамы дурочка!» Слушать надо было мамины советы!

Ира вздохнула и опустила голову. Мать была, как всегда, права. Скажет — как припечатает! Косу Ира отрезала ещё в восьмом классе тайком от родителей. Тогда ей казалось, что без косы она стала современнее и взрослее. Только теперь,

желая понравиться Юре, она поняла, что густая русая коса могла бы её украсить. «С косой я бы была похожа на «тургеневскую девушку» и Юра обратил бы на меня внимание, ведь он любит в девочках внешние эффекты! — с грустью думала она».

Но, к сожалению, отрезать косу легко, а вот быстро вырастить невозможно. Когда Ира впервые появилась на занятиях в модном платье и туфлях на шпильках, по аудитории пронёсся одобрителный гул. Только вот Юра по-прежнему не обращал на неё внимания. Когда он ссорился с очередной подружкой, в душе Иры вспыхивала надежда, что он наконец-то оценит её постоянную и преданную любовь. Но нет, скоро он находил себе другую девицу, как правило, с выдающимися внешними данными, а Ира по-прежнему грустно смотрела на него влюблёнными глазами. Жертвой «несовпадения» был и Вадик Медведев, влюблённый в Иру. «Вот дурак, пялится, аж неудобно!» — часто думала она, не замечая, что сама точно так же пялится на Юрика! Её тяготило тихое обожание, с которым Вадик смотрел на неё. Она пренебрегала Вадиком точно так же, как Юрик пренебрегал ею самой. И таких «несовпадающих» в их группе было немало. Несовпадение утомляло и угнетало. Каждому хотелось любви и внимания. «Несовпаденцы» мечтали найти утешение в новых знакомствах. А вдруг повезёт? Но как назло, принцип «несовпадения» господствовал даже в совхозе: каждую группу студентов вывозили на свою, отдельную делянку. Потенциальных знакомых можно было видеть только издалека, ведь они трудились тоже на своих делянках. Видимо, такую систему придумали ушлые бригадиры и прикреплённые к студентам кураторы из института для того, чтобы студенты не ленились: ведь когда на поле много народа, то можно от-

лынивать от труда и это будет незаметно. А норму с кого спросят? С куратора и бригадира! Когда людей на делянке определённое количество, тогда хорошо видно кто «фило-нит» и кого надо воспитывать...

Надежда на знакомство в столовой, куда студентов трижды в день возили на потрёпанном старом автобусе, тоже растаяла как дым. Потоки едоков были чётко расписаны по времени, ведь помещение столовой было небольшое. Получалось, что каждую группу кормили отдельно, что исключало всякие контакты. А кормили в совхозе «как на убой». Совхозные поварихи не таскали тайком из столовки к себе домой казённые продукты, как это делали поварихи студенческой столовой в городе. Поэтому еда была вкусной и обильной. Сельские поварихи с жалостью смотрели на тощих городских студентиков и, жалея их, настойчиво навязывали добавку:

— Возьмите добавочку, не отказывайтесь! У нас всё свеженькое и аппетитное!

Через неделю лица у всех ребят округлились и лоснились, как намазанные маслом. Девчата спохватились и стали отказываться от добавочки, чтобы окончательно не испортить свои фигуры.

Глава III. Бдительный куратор

Поскольку завести новые знакомства ни на картофельном поле, ни в столовой не удавалось, оставалась надежда на сельский клуб: там крутили кино, и там же бывали танцы, на которые приходила не только местная молодёжь, но

и студенты из других ВУЗов, которые тоже приехали «на картошку». Но вот попасть в клуб никак не удавалось. Дело в том, что в этом сезоне в качестве куратора их группы в совхоз приехал Вениамин Иванович Чуйков, преподаватель теоретической механики. Это был очень пожилой, худенький и лысоватый мужчина. О его зловредном характере среди студентов ходили легенды. По вечерам он никого не отпускал с хутора ни на прогулки, ни на танцы, ни в кино. Грозился, что если кто ослушается, он доложит в деканат о нарушении дисциплины. Ребята знали, что ослушаться куратора — себе дороже. В прошлые сезоны бывали случаи, когда студенты лишались стипендии, а то и «вылетали» из института из-за докладных Чуйкова. За глаза студенты называли его — Веник.

Целую неделю ребята терпели изоляцию на хуторе, но тоскливые вечера уже у всех «сидели в печёнках», и народ взбунтовался. Юру Чеснокова, как старосту, послали на переговоры с Вениамином Ивановичем. Молодёжь хотела на танцы — припекло.

Надо сказать, что студентов на хуторе поселили в двух небольших домиках-общежитиях. В комнатах прямо на полу стояли панцирные сетки от металлических кроватей (спинки почему-то не было). На сетках лежали большие мешки, набитые сеном, — это были «перины». Цветастые наволочки, тоже набитые сеном, служили подушками. Каждому выдали по два байковых одеяла, ведь ночи уже были холодные. Все удобства на хуторе были только на улице.

Вениамин Иванович тяжело переносил жизнь вдали от городских удобств. С собой он всегда носил небольшую стеклянную бутылку с водой и часто прихлёбывал из неё. В те времена промышленность не использовала пластиковые бутылки для фасовки напитков, их фасовали в стеклянную тару.

Попади Вениамин Иванович в наше время, он бы, конечно, использовал вместо стеклянной пластиковую бутылку из-под «Фанты» или «Спрайта» или ещё из-под какого-нибудь сока или газировки. Но в шестидесятые годы прошлого века ему приходилось использовать бутылку из-под водки с сохранившейся этикеткой. По объёму такая бутылка составляла четвертую часть литра, в народе её называли «чекушкой». Со стороны казалось, что Вениамин Иванович — закоренелый алкаш, который прикладывается то и дело к бутылке с водочкой. А из-за того, что лицо у куратора всегда имело страдальческое выражение, люди думали, будто он страдает головной болью с похмелья. На самом деле у Вениамина Ивановича болело сердце: бывало, схватится за левую половину груди и спешит скорее достать из кармана рубашки таблетку нитроглицерина и — под язык.

— Чем только в институте начальство думает, не иначе как задним местом, — возмущалась Аня Абрамян, — видно ведь, что человек очень больной. Зачем таких старых и больных посылают со студентами «на картошку»? Не знаю как вам, а мне его жалко!

Пожалуй, Аня была единственным человеком, кто сочувствовал Вениамину Ивановичу. Он всех «достал» своим неусыпным надзором. Несмотря на слабое здоровье, он ходил за своими студентами неотвязно, следил за ними как на поле, так и на хуторе. Понятно, что педагог честно исполнял свой долг, но студентам казалось, что он за ними шпионит. Особенно злились на Вениамина Ивановича девчата. Они устроили в одной из комнат домика, где жили, импровизированную душевую: поставили там (выпрошенные у хуторян на время) старое корыто из оцинкованной жести, ведро и кипятильник. По вечерам, пока ещё в хуторе не выключили электричество, они грели воду в ведре кипятильником и ку-

пались, поливая друг друга из кружки. Конечно, они завешивали при этом окна, а Вениамин Иванович, видя это, начинал подозревать, что за занавешенными окнами творится что-то неладное. Он подкрадывался к окнам, искал щёлочку, через которую можно было бы разглядеть что делается внутри, и не найдя её, бежал просить у хуторян лестницу-стремянку. Со стремянки он заглядывал в помещение поверх одеяла, которым не до верха было завешено окно. Девчата поднимали визг и писк, а Вениамин Иванович, удовлетворив любопытство, тащил лестницу хозяевам. Возмущённые девчата спрашивали куратора, а не стыдно ли ему за ними подглядывать, куратор спокойно отвечал:

— Нет, не стыдно! Я выполняю свой долг, слежу, чтобы разврата не было!

— Какой разврат? Где вы его видели? — срывались на визг девчата.

— Не видел, вот и славненько! — отвечал им Вениамин Иванович.

Однажды перед сном, уже лёжа каждая на своей «перине», девчата строили планы мести куратору.

— Что бы ему такое сделать, чтобы не шпионил? — спросила Райка.

— А давайте ему слабительное «Пурген» в борщ подсыплем. И будет он бегать в то место, куда царь пешком ходит до следующего утра, не до нас ему будет, — предложила Люська Павленкова.

— А у тебя что, «Пурген» есть? — спросила её Вика.

— У меня всё есть, — засмеялась Люська, — я, если хотите, завтра сама ему «Пурген» в борщ намешаю. От вас требуется, чтобы кто-нибудь отвлек его внимание.

— Какие вы злые и бессердечные, — воскликнула Аня, — он же старенький и больной, вдруг помрёт от этого!

— От «Пургена» ещё никто не помер, а вот кое-куда он побегает... — и Люська опять засмеялась, колотя пятками по своей «перине».

Свою месть девчата осуществили как раз накануне похода на танцы. Вениамин Иванович, изнурённый слабительным, лежал пластом и постанывал. Он даже не мог предположить, что к его плачевному состоянию имеют отношение очаровательные юные создания, его подопечные. Куратор думал, что эта беда приключилась с ним от того, что он в столовке съел что-то несвежее, а может, руки плохо помыл перед едой. Вениамин Иванович сейчас никого не хотел видеть, ему хотелось домой, ему хотелось тишины и покоя, а тут пришёл староста группы Юра Чесноков и просит отпустить группу на танцы.

— О-хо-хо, — запричитал Вениамин Иванович, — родные мои, что вы там забыли? На этих танцах всегда драки и поножовщина! Поверьте моему опыту, ничего хорошего там не будет.

— Всё же, — настаивал Юра, — ребята настроены решительно, нам всем надоела изоляция на хуторе!

— Глупые дети! Изоляция на хуторе для вас — благо. Конечно, можно было бы один раз вас туда сводить, чтобы вы убедились, что ничего хорошего там нет, но сами видите в каком я сейчас состоянии. Как-нибудь в другой раз...

— Вениамин Иванович, мы же не детсадовского возраста, чтобы нас за ручку водили, мы сами вполне справимся. Дайте нам только своё разрешение, — настаивал Юра.

— О-хо-хо, — опять запричитал Вениамин Иванович, — я человек ответственный... Как же вас одних отпускать? Вы же видите, Юра, что я просто физически не дойду до центральной усадьбы.

— А вы и не ходите. Знаете, мы в прошлом году в этот же совхоз «на картошку» выезжали, ходили спокойно на танцы и, как видите, живы и здоровы. Ваша чрезмерная опека просто неуместна.

Чтобы добиться своего, Юра пустил в ход последний аргумент:

— Знаете, терпение группы уже кончилось! Мы сегодня всё равно пойдём на танцы, разрешите вы нам или нет.

Вениамин Иванович подумал: «А ведь пойдут, и пойдут без моего разрешения... и потом вообще со мной считаться не будут!». Он помолчал, тяжело вздохнул и сказал Юре:

— Что с вами поделаешь, идите, но за последствия я не отвечаю.

Глава IV. **Танцы в сельском клубе**

В приподнятом настроении ребята вышли из хутора. По дороге весело болтали, и не заметили, как преодолели неблизкий путь. Когда они подошли к зданию клуба, танцы там были в разгаре.

«Современная молодёжь понятия не имеет, что значили тогда танцы, особенно для девчонок», — вздохнув, вспомнила Ирина Петровна.

Действительно, для девчонок танцы в то время были то же, что для Наташи Ростовской первый бал: ожидание сказки, ожидание Принца на белом коне. Каждой из них казалось, что она — та самая Принцесса, которую Принц всю жизнь искал...

А парни, к сожалению, не были так романтично настроены. В них, как молодое вино, бурлили и играли гормоны, и что там говорить, их интересы были более приземлённые. Они по большей части ходили на танцы, чтобы «закадрить чувиху», а там — «как карта ляжет». Среди парней ходила байка, что девчата, жаждущие секса, приходят на танцы без трусов. Была ли в этом хоть доля правды, трудно сказать. Но, обнимая партнёршу за талию, сексуально озабоченные парнишки старались прощупать наличие или отсутствие у девицы этой самой резинки от трусов. Смелые и бойкие девчата в гневе отвешивали «искателю» пощёчину, робкие — просто убегали от наглых кавалеров. Они возвращались к своим подругам, которые уныло стояли у стенки, и опять терпеливо ждали, когда же появится настоящий Принц. А искателю резинки от трусов — «как с гуся вода», если он, конечно, не нарвался на девушку, пришедшую с братом. Такая девчонка могла пожаловаться на обиду, и братишка лез в драку. Но в большинстве случаев искателю резинки от трусов ничего не грозило, кроме презрения обиженной девушки. Он шёл и приглашал другую девчонку, вон, сколько их стоит у стены! Парней в те годы было меньше, чем девчат, даже песня была с такими словами: «Стоят девчонки, стоят в сторонке, платочки в руках теребят, потому, что на десять девчонок по статистике девять ребят!» Парни были избалованы, в песне об этом тоже говорилось: «А парни важности полны, придиричивы ужасно, и остаются у стены, пришедшие напрасно...» Некоторые девчата, устав ждать приглашения на танец от лиц противоположного пола, приглашали друг друга и танцевали девушка с девушкой. Очень надеялись девчата на «белый танец». Правда, его объявляли редко. Особенностью «белого танца» было то, что на этот танец девушки приглашали приглянувшихся им парней, а не

наоборот. Но и тут могло ждать разочарование. Если девушка не понравилась, парень мог ей отказать. Парами танцевали только танго и вальс. Другие танцы можно было танцевать или каждому отдельно, или всем вместе, став в кружок или сбившись в кучу. Шейк и твист не требовали наличия партнёра, а «Летка-йенка» (финский бальный танец), был вообще массовый. Танцующие выстраивались друг за другом паровозиком, положив руки на плечи или талию, стоящего впереди человека, и прыгали под музыку вперёд и назад, выбрасывая в сторону ноги поочерёдно (то правую, то левую). Со стороны казалось, что это большая гусеница прыгает то вперёд, то пятится назад. Несмотря на то, что на танцах девчата часто испытывали разочарование, они опять и опять туда приходили.

В этом сельском клубе танцевали под радиолу, которая стояла в «радиоузле» — маленькой комнатушке на втором этаже. Два больших чёрных репродуктора транслировали музыку в зал. Полный белокурый парень менял пластинки. Поставив пластинку, он выходил из радиоузла на галерею, идущую по периметру второго этажа, смотрел на зал и танцевал сам с собой, делая при этом вид, что обнимает партнёршу. Когда танец заканчивался, то кто-нибудь из местных свистел и выкрикивал название следующей мелодии. Белокурый одинокий танцор покорно шёл менять пластинку. Народ в зале толпился кучками: местные девушки стояли своей кучкой, местные парни — своей, приезжие студенты кучковались по принципу принадлежности к тому или другому институту. Ира не сводила глаз с Юрика. Он никогда и нигде не тушевался, даже в незнакомом месте вёл себя как завсегда. Вот и сейчас Юра зашёл в зал и бесцеремонно стал разглядывать незнакомых девчат. «Выбирает!» — с грустью подумала Ира.

Она стояла рядом с ним, а он и не подумал пригласить её на танец, ему даже в голову это не пришло. Сквозь толпу к Юре протиснулась Люська. Схватив его руку и зажав её в своих руках, она, заглядывая ему в глаза, бойко затараторила:

— Как староста, ты должен сказать нашим ребятам, чтобы не забывали приглашать своих девчат, хоть через раз, мы согласны хоть через два на третий, а то не по-товарищески получается! Парни танцевать будут, а девчонок неизвестно, пригласит кто или нет.

— Ладно, — ответил Юра, отнимая у неё свою руку.

— Пригласи меня, не будь вредным! — заканючила Люська. Юра смотрел на неё с высоты своего роста снисходительно и слегка презрительно, но Люська делала вид, что не замечает. Она поспорила с Аней, что «раскрутит» Юру на танец. Юра помолчал, вздохнул, но всё же повёл её в цент зала. Танцуя с Люськой, он разглядывал девчат у стены, и в «кучке» сельчанок сразу заприметил статную черноглазую девушку. Толстая коса тёмно-каштанового цвета свисала у неё ниже пояса. Едва закончился танец, во время которого Люська всем своим видом демонстрировала торжество и корчила Ане рожицы, Юра поспешил к сельской красавице. Но на его приглашение она ответила отказом и быстро юркнула за спины своих подружек. Юра отошёл к своей «кучке» в недоумении.

— Не расстраивайся, — сказал ему Жорик Давиташвили, — сельские девчонки дикие. Смотри, вон там стоят девчата из Мелиоративного института. Какие у них «станки» (станками ребята называли бёдра)!

— Чур, моя — с белыми волосами! — быстро сказал он, будто боялся, что Чесноков тоже «положит глаз» на эту девчонку. Но тому девчонки из Мелиоративного института не понравились, и он вышел на улицу покурить. За ним увя-

зался Вася. Они закурили, а в это время из клуба выбежали четверо местных парней. Один из них, самый маленький ростом, указал пальцем на Чеснокова и сказал, обращаясь к высокому «громиле»:

— Вот этот к твоей Ленке «клеился»! — «Громила» подскочил к Юре и с размаху ударил. Целился он в челюсть, но студент занимался боксом, и благодаря навыкам спортсмена сумел уклониться от удара. Завязалась драка. Вася тоже ринулся в бой, не мог же он оставаться в стороне, когда одногруппника «молотят» местные чуваки. Он был близорукий и носил очки. В драке они упали на землю и были раздавлены. Теперь дальше своего носа парень ничего не видел, а потому махал руками наугад, крутясь на месте как юла. Местные парни имели численный перевес, и плохо бы пришлось студентам, если бы не Вика. Уходя покурить, Вася сказал ей, что вернётся через пять минут, но время шло, а его всё не было. Обеспокоенная Вика вышла из клуба и увидела драку. Она вбежала в зал с криком:

— Наших бьют! — тут же все представители мужского пола ринулись на улицу.

Говорят, такой массовой драки давно не было. Дружинники* пытались утихомирить толпу, но их было явно мало. Разогнал драчунов отчаянный водитель самосвала, которого командировали в совхоз на уборку картофеля. Водителей поселили тоже далеко от центральной усадьбы, потому он и приехал на танцы на своём самосвале. Когда началось побоище, он завёл самосвал и направил его на толпу.

---

* Добровольная народная дружина — в советское время организация, оказывающая помощь государственным органам в предупреждении и пресечении нарушений общественного порядка. Внешними знаками отличия дружинников были красные нарукавные повязки и нагрудные значки.

— Всех подавлю, разойдись к едрене фене! — кричал он. То ли толпа действительно испугалась, то ли уже весь «пар» выпустила, но люди стали разбегаться, и к приезду наряда милиции возле клуба уже никого не было.

С поля боя на хутор студенты удирали нестройными рядами. Им предстояла ещё долгая пешая «прогулка». Выйдя на грунтовку, постояли немного, поджидая тех, кто отстал. На полпути их догнал тот самый самосвал, что разогнал побоище, и его водитель — Саша, предложил довезти до хутора. В кабине рядом с ним сидела Аня, стало понятно, почему он так любезен. В кузове самосвала ехать было неудобно, да и запрещалось правилами безопасности, но кто на это обращает внимание ночью, вдали от жилья, когда хочется поскорее добраться «до места».

Когда ребята вернулись с танцев, на хуторе уже давно отключили свет и поэтому Вениамин Иванович не мог видеть потрёпанного вида своих подопечных. Он только спросил:

— Всё в порядке? — получив утвердительный ответ, он спокойно спал до утра.

Девчонки же, только когда улеглись на свои «периньки», заметили, что нет Ани и Галки. Аня, понятное дело, любезничает с новым знакомым. А вот где Галка? Никто не мог вспомнить, когда она отстала от компании.

— Где нам её искать? — с тревогой в голосе спросила Ира.

— Сама к утру придёт, — зло сказала Люська, — такая красавица не пропадёт, да и не маленькая она, замужем побывала, в случае чего натурой расплатится!

— Ох, и змея ты, Люська! Язык бы тебе оторвать! — возмутилась Ира.

Раздражение против Люськи у неё всё нарастало. Она возмущалась не столько словами Люськи, а тем, что та «выдрала» у Юры танец.

— А что, я неправду, что ли говорю? Вы думаете, почему за ней все парни ухлёстывают? Потому, что она доступная!

— Не ври, она не такая! — возмутилась Ира.

— В самом деле, Люся, зачем ты на Галку наговариваешь, — поддержала Иру Райка, — ей и так в жизни досталось!

Все девчонки в группе знали её грустную историю. Галка была на три года старше основной массы своих сокурсников. Они были вчерашние школьники, а она успела уже много чего «хлебнуть» в жизни.

Глава V. Печальная история

Едва окончив школу, Галка «выскочила» замуж за парня, который только что вернулся из армии. Жили они с Лёшей (так звали её мужа) без регистрации потому, что девушке не исполнилось ещё восемнадцати лет. Зарегистрировать такую пару в ЗАГСе разрешалось, если невеста была беременна и имелась справка, подтверждающая это.

Галка не была беременна, а в районной поликлинике попалась принципиальная врач-гинеколог, которая не согласилась дать справку даже за взятку. Может, родители опередили свою дочку и дали взятку раньше, «подмазали» так сказать, принципиальность врачихи. Они не хотели этого брака, грозились посадить жениха в тюрьму за соращение несовершеннолетней, но потом всё же смирились. Молодая

пара поселилась на съёмной квартире. Лёша устроил жену ученицей токаря на тот же завод, где работал сам, и они были почти неразлучны. В свободное время они любили гонять на мотоцикле по улицам родного городка до одури — Лёша за рулём, а жена на заднем сидении, крепко прижимаясь к мужу. Она, полюбив Лёшу, стала жить его интересами, и как-то ушло на второй план её желание поступить в институт, получить высшее образование, а ведь в школе она училась хорошо. А потом они с Лёшей попали в аварию, он не справился с управлением на повороте. Лёша отделался синяками и ссадинами, а Галка пострадала серьёзно. Она получила многочисленные переломы и потеряла своего будущего ребёнка. Она больше всего расстраивалась из-за этого. Лёша ходил к ней в больницу каждый день и утешал:

— Будут у нас с тобой ещё дети, мы же молодые!

Она верила ему, надеялась на скорое выздоровление. «Упакованная» в гипс, Галка не знала о своей главной беде: у неё был повреждён позвоночник, и она была обречена на жизнь в инвалидной коляске. Правда, была у врачей слабая надежда, что когда-нибудь эта больная сможет ходить (спинной мозг не был повреждён). Но для того, чтобы снова ходить, надо будет приложить немало усилий, как самой молодой женщине, так и её родственникам. Когда она узнала правду, её отчаянию не было предела, она пыталась даже отравиться снотворными таблетками, но врачи «откачали». После выписки из больницы, они с Лёшей прожили всего полгода. Он не выдержал этого испытания и просто сбежал, уехав из города в неизвестном направлении. Родители Галки хотели разыскать Лёшу с помощью милиции, подать на него иск в суд и обязать материально помогать их дочери, ведь она стала инвалидом по его вине, но дочь упростила их не делать этого. Хотя они с Лёшей и не были «расписаны»,

она считала его своим мужем, любила и надеялась, что он одумается и вернётся. Она решила, что даже если у неё есть хоть один шанс из ста снова ходить, то надо его использовать. И она стала тренироваться, преодолевая боль. Мама потихоньку плакала, но старалась, чтобы дочка не видела её слёзы. Почти никто не верил в успех, но сама Галка — верила, и, наверное, поэтому через полтора года стала ходить. Правда, одну ногу она всё же немного приволакивала, но она выработала такую неповторимую, неспешную манеру ходьбы, что люди думали, будто такая вальяжная походка у неё от рождения, а мужчины находили, что это придаёт ей ещё больше сексуальности.

Она всё надеялась, что Лёша к ней вернётся, ходила к его родителям и умоляла дать его адрес. Родители говорили, что не знают где он и при этом не смотрели ей в глаза. Она поняла, что знают, но не хотят говорить. Осознав, что Лёша потерян навсегда, она уехала из родного города в Новочеркасск и поступила в политехнический институт на строительный факультет. Почему на строительный? Да потому, что папа посоветовал, он сам когда-то там учился.

Глава VI. Загадочный ухажёр

Галка заявила в хутор только под утро, когда уже стало светать. Возле девчачьего домика на лавочке сидела Аня. «Ага, не одна я припозднилась со свиданки», — подумала она и села рядом.

Девчонки обычно на ночь закрывали дверь на ржавый засов изнутри, вот и теперь дверь была заперта. Аня не по-

смела стучать, ведь из соседнего домика мог услышать Вениамин Иванович. Девушки не разговаривали, сидели и тихо ждали, когда кто-нибудь из девчат выйдет из домика и тогда они с наслаждением завалятся спать на свои «перины».

Когда одноклассники узнали о том, что Аня и Галки бегают украдкой на свидания, они стали помогать девушкам уходить незаметно, ведь куратор не разрешал никуда отлучаться. Саша обычно ждал Аню на своём самосвале за поворотом дороги, который не просматривался из хутора из-за деревьев. Чтобы Аня могла беспрепятственно уйти, кто-нибудь из ребят отвлекал внимание Вениамина Ивановича, предлагая сыграть в шахматы. Вениамин Иванович был рад сыграть партию-другую и показать класс молодой поросли. Играли на лавочке во дворе. Шахматы были маленькие, походные, куратор всегда возил их с собой в командировки. Ребята окружали игроков плотным кольцом, закрывая телами обзор местности.

Галкин ухажёр приходил, когда уже почти стемнело. Его крепко сбитая коренастая фигура смутно белела среди деревьев совхозного сада. Студенты, заметив его, старались отвлечь внимание Вениамина Ивановича разговорами. Он любил порассуждать на отвлечённые темы, и поучить подопечных уму-разуму. Тогда, уловив момент, девушка бежала в сад и они с Николаем (так звали ухажёра) исчезали, словно растворялись в вечерних сумерках. Парень был из местных и только что вернулся из армии. Служил он на Северном флоте и рассказывал Галке о суровых буднях моряков, о романтике Севера. Ей было с ним интересно. Придя со свидания, она пересказывала девчатам его рассказы, они слушали и завидовали: повезло чувихе — «подцепила» морячка.

— А он симпатичный? — спросила как-то Райка. Все видели Николая только издалека и всегда в сумерках, лицо разглядеть было невозможно.

— Ой, девчата, он не просто симпатичный, он очень красивый: волосы светлые, глаза голубые. Таких красивых ребят я в городе не видела. Он много читает, а его любимый писатель Джек Лондон. Он сказал мне: «Если бы я жил в те времена в Америке, которые описывает Джек Лондон, то стал бы золотодобытчиком. Но и у нас в стране тоже золото добывают. Может, поеду когда-нибудь на Колыму — золото добывать». А ещё он любит гонять на мотоцикле, совсем как Лёша, мой бывший муж. По ночам мы катаемся на мотоцикле.

— А ты не боишься опять попасть в аварию? — встряла в рассказ Люська.

— Типун тебе на язык, Людмила! — возмутилась рассказчица и замолчала. После этого, сколько её не упрашивали, больше ничего не хотела говорить.

Вторая неделя пребывания в совхозе подходила к концу. Галка за это время сильно отощала. Видно, сказывались бессонные ночи, проведённые с Николаем.

— Ты как из концлагеря, — сказала как-то Ира.

Сильно похудевшая девушка усмехнулась и задумчиво произнесла:

— Любовь ...

— Любовь любовью, а о здоровье надо заботиться. Пошли с нами за парным молоком к бабе Мане, — предложила Ира.

— Я его не люблю, — поморщилась Галка.

— Ну, как знаешь, а мы с Райкой почти каждый день его пьём. В городе такого не купишь, пользоваться надо пока мы здесь!

Глава VII. Баба Маня

Предприимчивая хуторянка, баба Маня, продавала студентам парное молоко. Брала недорого. Ходили к ней больше для развлечения: она любила побалагурить. По городским меркам Маня была ещё не старая, всего-то пятьдесят лет. Городские женщины в этом возрасте выглядят неплохо. Они ухожены, подкрашены, нарядно одеты. Они ещё — дамы, а Маня — уже бабулька. А всё потому, что она седые волосы не красила, косметикой не пользовалась, ходила в драном халате и в галошах на босую ногу, а когда смеялась, то было видно отсутствие передних зубов.

— Некогда мне было зубы лечить, да и боюсь я борной машинки. Как она зазудит, так мурашки по коже. Вот и осталась без зубов, — рассказывала она.

Когда вечером Ира с Раей пришли к ней за молоком, баба Маня подмигнула им и спросила:

— А что, девчонки, хорошие у нас в совхозе парни?

Ира кивнула головой, чтоб не обидеть бабу Маню. Она толком и не рассмотрела местных ребят на танцах из-за того, что не сводила глаз с Юры.

— Хорошие! — поддержала подругу Райка.

— То-то, в городе таких молодцов нет. Вот замуж за наших ребят выскочите, будете, как баба Маня коров за титьки тягать! — и она весело рассмеялась.

— А вот и нет, — возразила ей Райка, — это наши девчата ваших парней в город увезут!

— Это кто же такие будут? Хотя бы одного назовите.

— Пожалуйста! Наша Галка вашего Николая, точно, в город увезёт.

— Какого Николая?

— А бывшего морячка, блондинчика с голубыми глазками, — выпалила Райка.

Баба Маня всплеснула руками .

— Ой, держите меня, сейчас упаду! — воскликнула она, — был у нас такой, да уже два года как помер, разбился на мотоцикле.

— Да вы что! А с кем же она встречается? — с тревогой спросила Райка.

— Не знаю, — ответила баба Маня, — посмотреть бы на него. Может, какой озорник её дурачит, именем покойника называется, свят, свят! — баба Маня перекрестилась.

— А пойдёте с нами, — предложила Ира. — Николай всегда приходит, когда темнеть начинает, и ждёт в саду. Может, узнаете кто это. Правда, издалека плохо видно лицо.

— Ладно, — согласилась баба Маня, — я мигом соберусь.

Она сняла фартук, сунула в карман халата очки и, шаркая калошами, засеменила за девочками к их домику. Они показали ей, куда обычно приходит Николай. Баба Маня походила по двору, выбирая удобное место для наблюдения. На лавочку садиться не стала. Облокотилась на невысокий заборчик.

— Два глаза — хорошо, а четыре — лучше, — наизда-тельно сказала она и надела свои очки, которые у неё были «для дали». Были у бабы Мани ещё очки «для близи», но она их оставила дома, ведь сейчас они были ни к чему.

Темнело. Галка вышла из домика и прохаживалась по двору, ожидая Николая. Девчата не сказали ей о подозрениях бабы Мани, ведь ничего толком не было известно. Во двор вышли и другие студенты, чтобы в случае появления Вениамина Ивановича отвлечь его внимание от влюблённой пары. Ира, Рая и баба Маня напряжённо вглядывались в сум-

рак между деревьев, и вот появился Николай, и Галя побежала к нему своим обычным маршрутом, а баба Маня громко завопила:

— Стой, не ходи!

Но девушка не обратила внимания на крик. Тогда баба Маня побежала в сад следом за ней, и обе они скрылись в глубине сада. Минут через десять показалась баба Маня, она тщила за руку Галку, а та упиралась. Когда они подошли к девчачьему домику, баба Маня отпустила руку девушки и сказала:

— Не пускайте её в сад, слышали! Беда будет! Я сейчас приду! — и она побежала к своему дому.

— Чего это она? — спросила Райка.

— Эта баба Маня — чокнутая! — она мне свидание сорвала, чума болотная! Надо же, Коля, как только её увидел, тут же куда-то пропал.

Рая с Ирой переглянулись.

— Пропал? — удивилась Ира.

— Ну, не знаю, исчез, как-будто в воздухе растворился! Может, спрятался. Я его звала, но он ко мне не вышел. А эта баба Маня такое наговорила мне — на голову не оденешь!

Она была явно расстроена, а в это время «старушка» возвратилась с мелком в руке.

— Сейчас я крестики наставлю, защищу тебя, голубку, — и баба Маня стала рисовать крестики на входной двери и вокруг окон домика. Высыпавшие во двор студенты с удивлением наблюдали за её манипуляциями.

— Бабушка, что вы делаете? — спросил Юра.

— А защищаю вашу Галю от покойника, он нынче ночью придёт! Будет её звать.

— Что за чепуха! — воскликнул Юра.

— Нет, милок, не чепуха! — возразила ему баба Маня и, обращаясь к девчатам, сказала:

— А вы ночью её на улицу из дома не выпускайте, а то беда будет! Крестики мои не стирайте, Христом Богом прошу! Уважьте бабушку Маню!

Юра усмехнулся и негромко, так чтобы баба Маня не слышала, сказал:

— Что взять с бабки кроме анализа...

Закончив рисовать крестики, баба Маня отвела Галку в сторону и что-то долго шептала ей на ушко. Потом она ещё раз попросила девчат не выпускать «голубку» ночью из домика и, удовлетворённая, пошла к себе домой.

Глава VIII. Беспокойная ночка

Позубоскалив немного над причудами старушки, ребята стали коротать во дворе очередной вечер на хуторе. Светила полная луна. Райка первой увидела бледный мужской силуэт между деревьями на краю сада. Она отвела Иру к заборчику и показала на силуэт рукой.

— Видишь? Он опять пришёл. Сказать Галке?

Ира ответила:

— Лучше не говорить! Пусть сама увидит и решает что делать. А то получается, что мы её к нему подталкиваем. Может, она его знать не хочет после того как он сбежал.

Во двор вышел Вениамин Иванович, захлопал в ладоши, привлекая к себе внимание.

— Отбой, отбой, друзья мои! Уже поздно! — громко прокричал он, — спать, пора спать!

Спорить было бесполезно и вскоре все разошлись.

Когда девочки улеглись на свои «перинки» и стали уже засыпать, в окно кто-то постучал, а потом раздался мужской голос:

— Галя! Выходи!

Галка узнала голос Николая, но не спешила встать и выйти к нему.

— Галя, это я — Коля! Выходи!

— Ещё чего! — сказала Галка, как будто Николай был рядом, — удрал со свидания, бабу Маню забоялся! Не выйду назло.

Стук в окно становился всё настойчивей.

— Галя! Выходи! — кричал Николай.

— Галка, с твоей стороны это свинство, — зло сказала Люська, — нам что, теперь всю ночь слушать стук и его вопли? Я спать хочу. Пойди и уйми своего хахалю.

— Ей нельзя выходить, баба Маня предупреждала, — возразила ей Райка, — это опасно для её жизни!

— И вы поверили сумасшедшей старухе? Да она с три короба наплетёт! — возмущалась Люська.

— Бабуся хоть и вела себя странно, но в чём-то она права — этот Коля какой-то не такой, а может он и не Коля вовсе! — напустила таинственности Райка.

— А кто же он? — воскликнула Люська.

— Это — загадка! Баба Маня сказала нам с Ирой, что бывший морячок Николай два года назад разбился на мотоцикле насмерть. А кто нашей Гале Николаем представляется — не известно. Может, какой-то злоумышленник!

— А ещё, — добавила Ира, — баба Маня сказала, что может быть к Гале ходит на свидания неупокоенный дух погибшего Николая, в общем — привидение, и оно сосёт из

неё жизненные соки. Заметили, как она исхудала последнее время?

— И ты веришь в эту чушь? — спросила Иру Галка, — тогда объясни мне, как это я с привидением на мотоцикле гоняла! И вообще, у него тело, как тело, а не туманная фигура, как у привидения.

Николай, наверное, понял, что Галка не выйдет. Стук в окна прекратился, теперь кто-то швырял камни в стены. Камни были, видимо, увесистые. А потом произошло невероятное: кирпичные стены заколыхались, заходили волнами, будто они были сложены не из кирпича, а сделаны из резины. Через некоторое время раздались удары и по крыше. Было такое впечатление, что нападающих много. Казалось, что они окружили дом со всех сторон и лупят по нему камнями.

— А-а-а! — разом завопили все девчата, — помогите!

Галка стала быстро одеваться, намереваясь выйти во двор.

— Не ходи, там же опасно! — заволновалась Аня.

— Здесь тоже опасно, того и гляди крыша рухнет! Побегу к нашим пацанам, пусть они эту «шоблу» разгонят!

— Ну, ты даёшь! — воскликнула Ира, а Галя выскочила во двор и смело побежала к мужскому общежитию.

Райка проворно закрыла за ней дверь на задвижку. Не пробежала девушка и нескольких метров, как вдруг кто-то сзади схватил её за волосы и стал трепать из стороны в сторону.

— А-а-а! — закричала она, — помогите!

Того, кто таскал её за волосы, она не видела и пыталась лягать его ногами, надеясь отбиться, но странное дело, она ни разу не попала по его телу, что было странно. На шум из мужского общежития вышел Вениамин Иванович. Он уви-

дел визжащую девицу, которая дрыгала ногами и руками. Голова девушки моталась из стороны в сторону. «Ну, дела!» — подумал педагог.

— Деточка, что случилось? — спросил он ласковым голосом, и тут же получил такой подзатыльник, что не устоял на ногах и упал. Теперь и он закричал:

— Помогите!

Тот невидимка, что таскал Галю за волосы, внезапно перестал её трепать и переключился на Вениамина Ивановича, а она побежала в девчачье общежитие, крича при этом:

— Открывайте, это я!

Бедного Веника невидимое нечто кидало из стороны в сторону, как мячик. Он не мог сопротивляться неведомой силе. Вот только что во дворе были только он и его подопечная. Откуда взялся хулиган? Вениамин Иванович устал отбиваться от невидимого противника, и как тряпичная кукла, обмяк, жалобно кричал, повторяя:

— О-хо-хо!

И тут он вспомнил, что в критических ситуациях, например, при нападении бандитов надо кричать не «Помогите!», а «Пожар!». Услышав это слово, люди, возможно, охотнее откликнутся на призыв. И он из последних сил, хриплым голосом закричал:

— Пожар!

Не тратя времени на одевание, во двор выбежали ребята в трусах и майках как спали. Они поначалу не могли понять, что происходит. Из девчачьего домика слышался приглушённый стенами дома визг. Ещё были слышны удары чего-то тяжёлого о стены и крышу, но во дворе никого кроме Вениамина Ивановича не было. Ребята замерли на месте, не зная, что делать. Они испугались. Люди вообще боятся всего непонятного. Наконец, Юра Чесноков, осознав, что в данной

ситуации он как староста, должен что-то предпринять, ско-
мановал:

— Хватаем Веника и тащим в дом! Остальное — потом!

Студенты гурьбой побежали на выручку педагогу, но неведомая сила расшвыряла их по двору, как котят, а в дев-
чачьем домике в это время стёкла во всех окнах разом раз-
бились и со звоном осыпались .

— Вперёд! — кричал Юра.

Он упорно двигался в сторону Вениamina Ивановича, хотя неведомая сила била больно. А ряды спасателей реде-
ли. Не всем оказался по плечу подвиг борьбы с невидимым врагом, и они позорно бежали, спеша укрыться в доме. Во дворе остались только Юра, Жорик и Вадик. Видя это, Юра вдруг выругался матом, да так забористо!

К всеобщему удивлению, после матерных слов неведомый враг пропал. Может, он и затаился где-то рядом, но вот пока — утих. Пользуясь моментом, Жорик с Вадиком под-
хватили Вениamina Ивановича под руки, и повели в дом, а Юра побежал к девчачьему домику. Подёргал входную дверь. Она оказалась закрытой. Он стал стучать в дверь кулаком.

— Откройте!

Открыли не сразу. Велели сначала подойти к окну, чтобы убедиться, что это точно свой человек стучит в дверь.

— Вы что, мой голос не узнали?

— Узнали, а всё же, для верности и посмотреть не меша-
ет, — сказала Вика.

Ночной холод проникал в помещение сквозь разбитые окна, Юра начал замерзать, его била мелкая дрожь.

— У вас всё в порядке? Никто серьёзно не пострадал? Нет? Ну, тогда я сбегаю — оденусь, а потом вернусь и по-
говорим.

Через двор он бежал, яростно матюкаясь. Он радовался, что случайно открыл средство от неведомой напасти.

Вернулся он к девчатам не один, взял с собой Жорика и Вадика, как проверенных в бою храбрецов. Так они и просидели у девчат до утра. Разговор крутился вокруг ночного происшествия. Студенты были в растерянности. Произошло что-то необычное. Сегодняшняя молодёжь, просвещённая интернетом, конечно, сразу бы сказала, что погром устроил неупокоенный призрак погибшего Николая, но в советские времена поверить в это студентам не давало атеистическое воспитание*.

— Может, нам всё это померещилось? — спросила задумчиво Аня.

— А окна разбитые откуда? Тоже померещились? — возразила ей Ира.

— Ну, мог, например, кто-то нас загипнотизировать и в это время разбить окна? — предположила Аня.

— И откуда в хуторе гипнотизёр? Тут живут люди простые. — вступила в разговор Люська.

— Ну, всё! Голова кругом идёт от ваших фантазий. В милицию надо заявить. Пусть они разбираются, это их работа! — подвёл итог Юра.

Он подсел к Галке и стал что-то тихо ей говорить. Вадик хотел было подойти к Ире, но она демонстративно от него отвернулась, а Жорик принялся рассказывать анекдоты. Когда рассвело, парни вернулись в своё общежитие. Вениамин Иванович, пострадавший в ночном происшествии, лежал,

* Примечание: Атеизм отвергает веру в существование любого божества, бога. Атеисты скептически относятся к наличию любых сверхъестественных существ, явлений и сил. В советские времена, когда господствовала марксистско-ленинская философия, насаждавшая атеизм, студенты-комсомольцы, как передовой отряд молодёжи, были просто обязаны не верить в призраков!

закрыв глаза, но не спал. Он лихорадочно думал, что теперь делать. То, что произошло, не укладывалось у него в голове. Куратор в бога не верил и старался объяснить все, даже самые странные происшествия с точки зрения материалиста.

Сегодняшний случай поставил его в тупик, ведь то, что произошло ночью, следовало считать нападением хулиганов, но ведь их никто не видел! Более того, его самого и одну из студенток избил невидимка! От этих дум у куратора разболелась голова. Наконец, после долгих раздумий он решил, что ему надо срочно ехать в Новочеркасск и просить, чтобы вместо него прислали куратора помоложе. «Всё-таки у меня почтенный возраст, проблемы с сердцем и повышенное давление! Не ровен час, инфаркт или инсульт схлопочу! — думал он, оправдываясь сам перед собой».

После завтрака в столовой, перед тем как студентов должны были отвезти на поле, Вениамин Иванович отвёл Юру в сторону.

— Юра, остаёшься за старшего. Я поеду в Новочеркасск по делам. Вернусь дня через два, если со здоровьем всё будет в порядке. А насчёт выбитых стёкол в окнах пойду сейчас к директору совхоза. Думаю, к вечеру стёкла вставят, так что у девчат будет ночью тепло.

— Что делать, если нападение на общежитие повторится? — спросил Юра.

— Сидите и во двор не высовывайтесь!

Когда Вениамин Иванович перед отъездом в Новочеркасск рассказал директору совхоза о ночном нападении хулиганов на девичье общежитие и о своём намерении обратиться в милицию, директор сказал:

— У нас каждый сезон из-за девиц драки и битьё окон. Стёкла в окна мы вставим, а вот в милицию я прошу вас не

обращаться, всё равно ведь не найдут виновников, только вам и мне неприятности.

— А если мы сами хулиганов поймаем, что с ними делать?

Директор усмехнулся и с иронией в голосе сказал:

— Если такое вдруг случится, конечно, сдавайте в милицию.

Глава IX. Удивительное — рядом

Вечером, когда после работы студентов привезли в хутор, они увидели двух подвыпивших мужичков, которые заколачивали фанерой окна в девчачьем общежитии. Один из них был пожилой, лет шестидесяти, лысоватый, в старой ветхой телогрейке. Он деловито командовал напарником, которому было на вид лет двадцать пять — тридцать. Молодой, видно, так «хорошо принял на грудь», что ему стало жарко, и он до пояса обнажился, хотя на улице было прохладно. В каждом окне только в одну створку было вставлено стекло.

— Что за безобразие, — возмутился Юра, — нам обещали полностью окна застеклить, а вы фанерой забиваете!

— А ты кто таков? — сурово спросил старший мужичок.

— Я за куратора, — ответил Юра.

— Ага, старшой, значить, — кивнул головой пожилой.

— Так почему фанера, а не стекло? — допытывался Юра.

— А потому! На вас стекла не напасёшься! Каждый год из-за девок стёкла бьют. Вот очистите помещение, в зиму и вставим стёкла, а пока и так сойдёт. До конца срока, мобуть, и эти побьют, — и он кивнул на застеклённые створки.

Молодой работник, увидев стайку девчат, бросил молоток и гвозди, подбоченился и стал «играть» мышцами. Посмотреть было на что.

— Он, наверное, спортом занимается, — сказала Аня, — мускулатура как у борца.

— Нет, он, скорее, культурист, — возразил Жорик, — такая рельефная мускулатура бывает только у них.

— Ну, прямо Аполлон Бельведерский*! — похвалила Люська.

— Я чегой-то не понял! — отозвался на её слова «Аполлон», — ты меня с кем-то попутала?

По его лицу было видно, что он что-то пытается осмыслить.

— Ага, я понял! Я тебе понравился! — он самодовольно усмехнулся. Лицо у Люськи зарделось алым цветом.

— Ещё чего! — звонко выкрикнула она.

Студенты засмеялись, а «Аполлон» тряхнул головой, мол, знай наших!

— Так, Витёк, колы ты кончил робить, одягайся и айда по домам! — сказал старший мужичок.

Витёк нехотя надел рубашку и не спеша застёгивал на ней пуговицы, видно было, что ему не хотелось уходить, он то и дело поглядывал на девчат.

— Макарыч, не гони, глянь на них. Какие цыпы! — он кивнул в сторону девчат.

---

* *Примечание: Аполлон Бельведерский — мраморная римская копия с бронзового греческого оригинала статуи Аполлона — бога солнца и света, покровителя искусства, в образе прекрасного молодого юноши. В 1506 году, в правление папы Юлия II, статуя была помещена в так называемом антиквариате, в саду Бельведер в Ватикане — откуда и получила своё название. Утраченный бронзовый оригинал был создан около 330 года до нашей эры греческим скульптором Леохаром.*

— Да на шо они тобі сдалися? Гляди, тесьт твой узнает, он дурь-то выбьёт! — строго сказал Макарыч.

— Ну, Макарыч! Посидим тут ещё, пока машина за нами не придёт, — заплетающимся языком просил Витёк. Он натянул на себя телогрейку, которая в плечах была ему явно узка, и хотел сесть на лавочку возле девчачьего общежития.

— Нет! Пёхом попрём — от греха подальше! Прочухаешься маленько по дороге.

Макарыч взял в одну руку ящичек с инструментом, а другой рукой всё подталкивал Витька к калитке. Тот упирался, но мало-помалу всё же двигался «на выход». И вдруг неожиданно для всех он пропел похабную частушку: «К нам сегодня приезжает конная милиция. Поднимайте, девки, юбки — будет репетиция». Ему явно хотелось всеобщего внимания. Витёк оглянулся на толпу студентов и среди смеющихся лиц вдруг увидел Галку. Раньше он её не видел, она стояла за спинами своих товарищей и не рвалась посмотреть на «Аполлона».

— Ух, ты какая! Глянь, Макарыч...

Но Макарыч упорно подталкивал Витька к выходу.

— Ты что тут делаешь? — спросила Витька баба Маня, которая как раз в этот момент подошла к общежитию. Витёк ей не ответил, а Макарыч сказал:

— Да вот, напросился он, растудить его... У меня нынче напарник с перепою приболел, вдвоём-то работать сподручнее, вот я и взял его. А Витёк, должно, прознал, что тут девки пригожие...

— А-а-а, — понимающе «пропела» баба Маня, — а если Валька или директор узнают?

— То-то и оно! — и Макарыч сплюнул себе под ноги.

Когда он вытолкал Витьку за калитку, тот ещё раз оглянулся, ища глазами Галку, но её уже не было во дворе.

— Примерещилась она мне что ли? — спросил вслух сам себя Витёк.

— Иди уже, — проворчал Макарыч.

А студенты окружили бабу Маню и стали расспрашивать её кто такой этот Витёк, уж очень всех поразили его накачанные мышцы. Баба Маня рассказала, что он с малых лет тренируется с гирями, играет ими как-будто они пушинки. Даже в клубе на концертах выступает с показательными номерами. Работает простым трактористом, хотя он — зять директора совхоза. Было бы у него образование, тесть бы его на руководящую работу взял, но учиться Витьку не пришлось. После школы призвали в армию, а вернулся — женила его на себе директорская дочка Валька.

— Не знаю, как у них там сладилось, — понизив голос, говорила баба Маня, — свечку не держала! По пьяни, должно быть... Она ведь старше его на десять лет, да ещё и кривая на один глаз!

— У неё что, одного глаза нет? — с сочувствием в голосе спросила Аня.

— Глаз есть, но он завсегда прижмуренный — застудила она лицо зимой, когда ещё подростком была. С тех пор и кривая. Врачи вылечить не смогли. Хотя кривая, зато умная! В институте на агронома выучилась. А Витьке, чтобы никуды не делси, она детишек одного за другим троих нарожала.

— Хм, никогда наличие детей не удерживает мужчину рядом с нелюбимой женщиной! — заметил Юра.

— Яйца курицу не учат! — строго сказала баба Маня, — много ты понимаешь! Витёк детей любит, никуды от них не уйдёт, — она вздохнула, — но душу Вальке мотает, гуляет напропалую! С местными он не связывается, у нас не по-

балуешь! Блудит с теми, которые на уборочную приезжают. Теперь вот к нам на хутор зачистит, потому, как тут девок видных много...

— Да кому он нужен, женатый! — воскликнула Рая.

— Тебе он — ненужный, а кому-то в самый раз! — баба Маня засмеялась. Она поискала Галку глазами и, найдя, поманила рукой.

— Галя, подойди!

Она шепнула ей что-то на ушко, и они пошли в сторону совхозного сада: баба Маня впереди, Галка за ней.

Минут пятнадцать они шли по саду, а потом по едва приметной тропинке вышли из него прямо на сельское кладбище. Видимо, сюда редко приходили люди в сезон полевых работ. Могилы позарастали за лето высокими дикими травами. К середине сентября травы увяли, высохли на корню и стояли в оградках вокруг могил, осыпая на землю свои семена. Баба Маня уверенно подошла к могилке, на которой стоял памятник в виде металлической пирамидки, покрашенной голубой краской, с красной звёздочкой на вершине.

— Помогай, — скомандовала баба Маня, и они с Галкой принялись рвать сухую траву вокруг пирамидки. Когда повыдергали траву, стала видна фотография на памятнике. Галка сразу узнала Николая. На памятнике было написано: Николай Степанович Зима, а ниже — даты рождения и смерти. Этот человек, действительно, умер два года назад. У Галки ноги подкосились, и она присела на низенькую лавочку возле могилы.

— Я тебе говорила, а ты не верила! — с торжеством в голосе сказала Маня. Она откупорила принесённую с собой бутылочку с водой и побрызгала из неё на могильный холмик. Потом она начала что-то бормотать, крестила себя, Галку и холмик.

— Что вы делаете?

— Святой водой поливаю, молитвы читаю.

Перекрестясь в очередной раз, она поклонилась фотографии на пирамидке и сказала:

— Покойся, Николай, с миром!

Потом баба Маня присела на лавочку рядом с Галкой, вздохнула и с досадой проворчала:

— А во всём виновата его мамка, Наташка. Она ни в бога, ни в чёрта не верит. Не запечатала могилку, как положено, свячёной в церкви землёй, вот он и бродит.

— Зачем вы меня пугаете? Мне и так страшно, уйдём отсюда!

— Чего бояться-то светлым днём? — удивилась баба Маня, — посиди тут ещё немного, никто тебя не тронет, а мне надо проведать свои могилки.

Маня ушла. Галка пристально смотрела на фотографию Николая на памятнике. Поначалу лицо было неприветливым, хмурым, а потом ей показалось, что в уголках его губ появилась еле заметная улыбка. То ли солнце так осветило фотографию, то ли её воображение «разыгралось», но она увидела, что фотография Николая на памятнике как бы повеселела.

— Неужели он радуется, что я здесь? — подумала она, и мороз пробежал по её коже.

Порывы ветра заставляли шуршать сухие травы, а Галке чудилось, что она слышит чей-то неразборчивый шёпот, как-будто покойники, лёжа в своих могилах, тихонько переговариваются. «Так и с ума сойти можно», — подумала она и побежала к бабе Мане, которая дёргала сухую траву на родных могилах. Вместе они быстро управились с работой и засветло вернулись в хутор.

Глава X. Несбывшиеся надежды «Аполлона»

Когда стало смеркаться, Галка с беспокойством то и дело поглядывала в сторону сада, но Николай этим вечером не появился на своём обычном месте. Ночь прошла без происшествий. Вениамин Иванович не приехал ни утром, ни в обед. Вечером студенты решили сходить в кино. Водитель самосвала Саша обещал подвезти «хуторян» до клуба. Когда они собрались уже лезть в кузов, к женскому общежитию подкатил красного цвета «Москвич». Из него вышел Витёк. Он был на этот раз трезвый, в сером импортном костюме, в белой рубашке и при галстуке.

— «Аполлон» явился! — бойко выкрикнула Люська, а Витёк вдруг резво подскочил к ней и сказал:

— Давай знакомиться, меня зовут Виктор, а тебя?

Люська растерялась. Она вспомнила всё, что вчера баба Маня рассказывала про него и подумала: «Вот наглая рожа, женатый, а «клеится!»»

— А зачем знакомиться? У вас жена есть! — сказала она.

— Причём тут жена? — искренне удивился Витёк, — Разве я тебе вчера не понравился?

— А разве мы «на ты»? Какая наглость! Мало ли что вам померещилось. Я с женатыми не знакомлюсь! Вот!

— Тьфу, ты... Просто хотел тебя до клуба подвезти. Может, в кино бы сходили, ничего плохого, а ты сразу — «на дыбки»!

Витёк явно огорчился, а Люська демонстративно пошла к самосвалу и залезла в кузов. И тут, отойдя от толпы девчат, своей неподражаемой сексуальной походкой к Витьку направилась Галка. Ей совсем не хотелось ехать в кузове самосвала, а в кабине место было занято Аней.

— А меня подвезёте до клуба? — улыбаясь, спросила она. Витёк обалдел от привалившего счастья. Он тут же забыл о Люське. «Ух, какая цыпа! — подумал он, разглядывая Галку, — значит, вчера она мне не примерещилась!»

Он засуетился вокруг Галки, усаживая на переднее сидение, а она спросила:

— Может, моих подружек тоже подвезём?

Витёк не успел ответить, а она уже поманила рукой девочек. Они быстренько забрались на заднее сидение, набились, как сельди в бочку, сидя друг у друга на коленях.

Виктору это не понравилось, но он спорить не стал, сел за руль и как бы нечаянно задел рукой, выглядывающее из-под короткой юбки, галкино колено. Она посмотрела на него томным взглядом, давно хорошо отрепетированным перед зеркалом. Так она смотрела на парней, желая поощрить их ухаживания. Это действовало безотказно. Вот и у Витька сердце забилося быстрее, и сладкая истома пробежала по телу. Он не знал, что для Галки это просто игра, развлечение от нечего делать. Витёк принял всё за чистую монету и распалился не на шутку. Он уже планировал, как высадит её подружек у клуба, а они поедут куда-нибудь подальше от людских глаз...

А тем временем Люська ехала вместе с остальными студентами в кузове самосвала. Все они сидели на корточках вдоль бортов и судорожно цеплялись за эти самые борта руками. Хотя Саша старался вести самосвал осторожно, объезжая рытвины и ухабы, но всё равно кузов трясло на каждой кочке. Люська злилась на себя и думала: «Галка едет сейчас, как королева! И чего я струсила? Вот вроде бы всё сделала правильно, а на душе всё равно «кошки скребут». Она вспомнила поговорку: «И хочется, и колется, и мама не

велит». Как верно сказано! А вот Галка не боится рисковать и вертит парнями как хочет. Я так не могу, обидно!»

Когда самосвал затормозил возле клуба, все девчата, что ехали в машине Витька, стояли уже у входа в клуб. Ни Виктора, ни его «Москвича» не было видно.

— Где же «Аполлон»? — насмешливо спросил Юра.

— «Аполлон» — тю-тю! — ответила Галка и засмеялась.

Оказалось, что жена Виктора вместе с детьми поджидала его у клуба. Едва «Москвич» остановился, к нему подбежали двое старшеньких детей — мальчик и девочка. Они кричали:

— Папа, папа!

Жена, Валентина, держа младшего сына на руках, неспеша подошла к «Москвичу». Она спокойно поздоровалась с девчатами, выходящими из машины. Девчонки почувствовали себя неловко, словно нашкодившие дети. Они боялись, что жена Виктора затеет скандал и чего доброго полезет в драку, но она на них больше ни разу даже не взглянула. Валентина и Виктора не стала ругать, только и сказала ему, что пора ужинать, мол, они его дома заждались. Витёк, как ни в чём не бывало, подождал, когда жена и дети сядут в машину, и повёз их домой.

— А у неё точно один глаз «прижмуренный», — спросила Люська.

— «Прижмуренный» — подтвердила Галка, — но, в общем-то, она симпатичная!

— Жаль её, видать, частенько она его у клуба отлавливает! — добавила Вика.

— И ведь ни одного упрёка этому козлу! — воскликну Райка.

— Вот такими должны быть все жёны! Берите с неё пример! — сказал Жорик и поднял вверх указательный палец.

Люська сначала повторила его жест — тоже подняла вверх указательный палец, а потом покрутила им у виска.

— Только не у каждой жены глаз «прижмуренный» и не у каждого мужа торс Аполлона! Вот! — ответила она в тон Жорику.

— Э-э-э, Люся! Запала на «Аполлона»? — и Жорик ей подмигнул.

— Ах, ты... — Люська подскочила к Жорику и хотела, было, вцепилась ему в волосы, а он проворно уворачивался от её рук, прячась за ребятами и девочками. Юра понял всё по-своему:

— Хорош флиртовать, в кино опоздаем! — и он вошёл в клуб.

Остальные потянулись за ним, а Жорик продолжал дурачиться. Отбиваясь от Люськи, он нарочито пискляво кричал:

— Люди, спасите, помогите! Она обозналась, я не Аполлон, клянусь мамой, я — грузин!

— Во, чумовые! — сказал Саша Ане и завёл мотор. Самосвал, в кабине которого они сидели, урча, как дикий зверь, повёз их куда-то за пределы поселения, в степь. У них были свои планы на этот вечер.

Глава XI. Прощальный костёр

Юра оставался за старшего всего несколько дней, но ему этого вполне хватило, чтобы понять, почему Вениамин Иванович стремился изолировать их группу в хуторе. Теперь, когда куратора не было, студенты, как овцы без пастуха, вечерами разбрелись кто куда. Кое-кто гулеванил до утра, и

когда возвращался, падал на свою «перину» замертво и спал богатырским сном чуть не до вечера. Обеспечить стопроцентную явку на работу стало невозможно.

— Где твои люди? — кричал на Юру бригадир, — приехали три калеки, две чумы! Как мы план давать будем? Смотри, старшой, пожалюсь директору!

Все призывы Юры к совести сокурсников не давали результатов. Он извёлся под бременем ответственности и с нетерпением ждал возвращения Вениамина Ивановича. Наконец, на пятые сутки после отъезда куратора, возвратясь после работы на хутор, ребята увидели на лавочке возле женского общежития незнакомого молодого человека. Он представился:

— Я ваш новый куратор — Андрей Леонидович Крылов.

Новый куратор был очень хорош собой — похож на какого-то артиста, но вот конкретно на какого, трудно было сказать. Скорее всего, он являл собой стереотип натуры артистической. Позже ребята узнали, что он преподаватель на кафедре архитектуры, а ведь известно, что архитектура — это музыка в камне, то есть сама профессия архитектора, которую выбрал для себя Андрей Леонидович, предполагала любовь к искусству, ко всему прекрасному. Это отразилось на его внешнем облике. Девчатам он сразу понравился. Ира тихо спросила Раю:

— Интересно, он женатый или нет?

— Кольца на руке нет, значит холостой, — громким шёпотом ответила Рая.

— А может, он кольцо дома оставил, а сам женатый! — ехидно заметила Люська.

Андрей Леонидович достал список студентов и стал делать переключку, а закончив её, сказал:

— Заранее прошу прощения, если я не всех сразу запомнил! — он аккуратно сложил список и убрал в карман куртки. — Хочу вас предупредить, что отсутствовать на работе вы можете только по уважительной причине. В противном случае я обязан буду сообщить о нарушении дисциплины в деканат!

«Этот куратор использует тот же кнут, что и Веник! А я этим воспользоваться не мог, сокурсники сочли бы меня ябедой! — подумал Юра». Андрей Леонидович после слов о деканате выразительно помолчал, а потом продолжил:

— После работы ограничивать вашу свободу я не намерен. Я полагаю, вы уже взрослые, и у вас хватит ума не попадать в неприятные истории. Надеюсь, вы меня поняли?

Куратор говорил нарочито строго, помня наставления Вениамина Ивановича о том, что фамильярничать с подопечными недопустимо, что надо держать дистанцию. Юра повёл его в мужское общежитие, а студенты стали разбредаться кто куда. Жорик с Вадиком собрались идти на центральную усадьбу, у них там было назначено свидание с девочками из мелиоративного института. Проходя по двору к калитке, они слышали, как Ира сказала о новом кураторе:

— Он такой хорошенький, вылитый артист Владимир Корнев!

В глазах у Жорика запрыгали озорные огоньки, он толкнул Вадика локтём в бок, и писклявым голосом, подражая Ире, добавил:

— Вылитый человек-амфибия! С жаб-р-р-рами!

Галка и Рая засмеялись, а Ира с укором сказала Жорику:

— Не вижу ничего смешного, это даже не умно!

— Девчонки, честное слово, мне обидно! — уже нормальным голосом заговорил Жорик. — Я с вами не первый

год учусь, а вы в упор не видите, что я тоже на артиста похож!

— На какого артиста? — спросила Галка.

— На Кикабидзе! Разве нет?

— Кикабидзе? — Галка задохнулась от смеха, — насмешил, у вас с Кикабидзе сходство только в том, что вы оба из Грузии!

— А у нового куратора с артистом Корневым сходство только в том, что они оба из России! — и Жорик, довольный, что последнее слово осталось за ним, гордо удалился вместе с Вадиком, который больше не смотрел на Иру влюблёнными глазами, теперь он увлётся новой девушкой.

— Видели, какое самомнение у Жорика! — воскликнула Рая.

— А у парней всегда самооценка завышена, — заметила Галка. — Даже самый плюгавенький думает, что он неотразим и очень удивляется, если девчонка не принимает его ухаживания и даже видеть не хочет.

— Это ты о Жорике? — спросила Рая.

— Нет, я не о нём, я говорю вообще о парнях.

С появлением Андрея Леонидовича жизнь девчат на хуторе оживилась. Каждая хотела обратить на себя его внимание, а он был приветлив и вежлив со всеми девочками, никого не выделяя. Он подавал им при выходе из автобуса руку, помогая сойти на землю, давая возможность почувствовать себя королевой. И всё же, долго играть роль бесстрастного педагога ему не удалось. Между ним и Галкой «проскочила искра». Первое время они встречались тайно, чтобы никто об этом не знал. По вечерам сначала исчезала из хутора Галка, а потом уходил Андрей Леонидович, стараясь удалиться

незаметно, но «шила в мешке не утаить», скоро уже все знали о новом романе Галки.

— Везёт же некоторым, — вздыхала Люська, — и Андрея Леонидовича окрутила, и «Аполлон» по ней сохнет!

«Аполлон» и вправду, наведывался на хутор чуть не каждый день. Теперь он приезжал на красивом мотоцикле «Ява», одетый в кожаную куртку. Он просил кого-нибудь из девчат позвать Галю, а они отвечали, что её нет, ушла гулять. Все его попытки «закадрить» других девчонок кончились неудачей. С женатым «Аполлоном» никто не хотел связываться. Встречи Галки с молодым куратором живо обсуждались. Девчата приставали к ней с расспросами, но она молчала, как рыба.

— Ты же говорила, что тебе нравятся только голубоглазые блондины, а Андрей темноволосый, как же так? — пыталась разговорить Галку Вика.

— Любовь зла! — отвечала Галка.

Приближался конец сентября, скоро студентам надо было возвращаться в город. Три влюблённые парочки — Аня с Сашей, Вася с Викторией и Галка с Андреем Леонидовичем ночи напролёт пропадали где-то на природе. Все уже знали, что Аня и Саша решили этой осенью пожениться. Аня только боялась, что её родственники будут против их свадьбы. Дело в том, что она родилась в армянской семье и её родные хотели, чтобы она вышла замуж непременно за армянина, а Саша был русский. Но девчата были уверены, что этот брак состоится вопреки всем предрассудкам. Вася с Викторией тоже собирались пожениться, но только на пятом курсе. В случае с Галкой и Андреем Леонидовичем уверенности, что они будут вместе не было.

— Вот увидите, когда вернёмся в Новочеркасск, он будет от неё бегать как чёрт от ладана! — утверждала Люська. — Кто он и кто она? Небо и земля! Он натура утончённая, а она обыкновенная вертихвостка! Он её бросит!

— Нет, это она его бросит. Встретится ей блондин с голубыми глазками, её идеал, и забудет она Андрюшку! — возражала Рая.

Последнюю ночь пребывания студентов в совхозе решено было отметить застольем на свежем воздухе. Далеко за хутором на убранном картофельном поле сложили костёр из сухих веток, которые собрали в совхозном саду. Припасли закуску и выпивку. Едва стемнело, зажгли костёр. Была и музыка: Андрей Леонидович привёз с собой транзисторный приёмник. Нашли радиостанцию, транслировавшую в это время популярную эстрадную музыку, и стали танцевать. Танцы чередовались песнями в исполнении Васи, который тихим голосом «мурлыкал», аккомпанируя себе на гитаре, остальные подпевали. Веселились от души и не заметили, как Галка и Андрей Леонидович потихоньку «оторвались от коллектива». Их отсутствия никто не заметил. Разгорячённые «Солнцедаром» и самогоном бабы Мани, студенты были заняты только собой. В какой-то момент передача популярной музыки прекратилась и по радио стали передавать новости. Жорик стал крутить ручку настройки в поисках музыки. Из «ящика» неслись шипение, свист, обрывки фраз и он на время поиска приглушил громкость. Сразу стал слышен где-то в поле рёв мотоцикла, как если бы он мчался без глушителя.

— Какой дурак ночью по пахоте гоняет? — удивился Вадик.

Ребята напряжённо вглядывались во тьму, в то место, откуда шёл рёв мотоцикла. Вдруг там, далеко в поле, откуда шёл звук, вспыхнул стог соломы. Загорелся он сразу со всех сторон, и одновременно раздались крики о помощи. Не сговариваясь, парни бросились туда. Когда они подбежали, то увидели Андрея Леонидовича. Он стоял на безопасном расстоянии от огня и кричал Галке, метавшейся по плоской верхушке стога:

— Прыгай, прыгай!

Ребята попытались было залезть на стог, чтобы стащить оттуда Галку, но пламя бушевало, и они отступили. Отбежав подальше от огня, они тоже закричали:

— Прыгай!

Галка, наконец, собралась с духом и спрыгнула вниз. Приземлилась она неудачно, прямо в горящую солому. Поднялся сноп искр, волосы и одежда вспыхнули, она закричала так жутко, что у парней побежали мурашки по телу! Преодолевая страх, они всё же вытащили Галку из огня. Потом, сняв куртки, принялись ими сбивать пламя с её одежды и волос. Её красивые волосы обгорели неравномерно: где-то выгорели почти под корень, а где-то остались длинными, нетронутыми огнём. Её ресницы и брови тоже были опалены. Андрей Леонидович, видимо от пережитого страха, стоял неподвижно и смотрел, как парни сбивают с Галки пламя, сам при этом и пальцем не пошевелил. А вокруг горящего стога на ревущем мотоцикле носился по кругу мотоциклист со шлемом на голове. Он что-то неразборчиво кричал и громко хохотал. Его лицо невозможно было рассмотреть.

— Хорошо бы навалить этому ... — и Юра выругался матом.

Рёв мотора внезапно стих, а мотоциклист вместе с мотоциклом исчезли, словно их и не было. Слышен был только треск горящей соломы. Пламя разгоралось всё сильнее, подул ветерок, и пламя загудело, взметая искры в тёмное звёздное небо. Прощальный вечер был испорчен.

— Это был, наверное, Витёк! — сказала Люська.

— Причём тут он? — спросил удивлённо Вадик.

— У него есть мотоцикл Ява и мотив совершить преступление! Точно, он! Галка не стала с ним встречаться, а он по ней сох! Вот по злобе и устроил всё это! — ответила ему Люська.

— А какой мотоцикл был у того, кто кружил вокруг стога, кто-нибудь запомнил? — спросил Юра.

— Это была, точно, не Ява! — вспомнил Саша.

Догорающий стог освещал вокруг себя перепаханное поле, но следов мотоцикла на земле не было.

— Значит, это был призрак Николая! — сказала Галка.

— Но ведь призраки не существуют. — возразила ей Аня.

— Существуют! Теперь я в это верю! — ответила ей Галка.

Андрей Леонидович сидел на земле, обхватив голову руками. Он думал о последствиях. Если о случившемся узнают в институте, то его, скорее всего, ждёт в лучшем случае товарищеский суд*, а могут просто уволить за аморальное поведение, кроме того, совхоз потребует возмещение ущерба.

---

* *Примечание: Товарищеский суд — в Советском Союзе в 1961-1990 годах — выборный общественный орган, для предупреждения правонарушений и поступков, наносящих вред обществу, осуществлявший воспитание методом убеждения и общественного воздействия на уровне посёлка, села, домоуправления, улицы, предприятия (на крупных предприятиях — цеха), коллективного хозяйства. Решения товарищеского суда могли быть использованы как доказательства, наравне с рапортом участкового, что имело серьёзные последствия для подсудимого. В отличие от государственных судов, сфера деятельности товарищеского*

— Андрей Леонидович, что будем делать? — задал вопрос Юра.

Куратор ответил так, как был должен ответить:

— Надо заявить в милицию.

Но студенты были против такого решения. Разве кто-нибудь поверит в байку про призрачного мотоциклиста? Их же и обвинят в поджоге, могут даже отчислить из института. Этого они боялись больше всего. На их счастье, когда стог горел, никто из жителей хутора не прибежал посмотреть, что случилось. Они мирно спали. Горело далеко от хутора... А ещё они надеялись, что хуторяне не сразу заметят исчезновение стога — вон сколько таких же стогов разбросано по степи. К счастью, у Галки не было ожогов кожи. Волосы, конечно, были испорчены, но ведь они со временем отрастут, и она сказала:

— Ничего страшного, сделаю короткую стрижку, она мне идёт!

Было решено присыпать ещё дымящийся пепел комьями земли с пахоты и никому из местных не говорить о происшествии.

Утром за студентами прислали совхозный автобус, который должен был доставить их до переправы через Дон. Галка повязала голову платочком, закрыв лоб, чтобы не были видны обгоревшие брови. Они с Андреем Леонидовичем всю дорогу до переправы сидели на заднем сидении автобуса, и он держал её руку в своей руке. На пароме они тоже были вместе, но на другом берегу Дона уже не подходили друг к другу и ехали в рейсовом автобусе до Новочеркасска, сидя порознь.

суда ограничивалась гражданским обществом.

Андрей Леонидович, после приезда в Новочеркасск, решил больше не поддерживать отношений с Галкой. Она тоже не хотела больше встречаться с ним. Девушка сильно разочаровалась в Андрюшеньке, ведь как только стог загорелся, он, не теряя времени, сиганул вниз, а её оставил одну среди пламени. Выбирайся, мол, сама! А то, что он, якобы проявляя о ней заботу, кричал: «Прыгай!» — ничего не значит. Мог бы с таким же успехом и не кричать.

Эпилог

Ирина Петровна, перебирая старые фото, нашла карточки со свадьбы Саши и Ани. «Какие у них счастливые лица! — подумала она». Они поженились через два месяца после поездки на картошку. Отмечали это событие в студенческой столовой. Из родственников Ани на регистрацию брака в ЗАГС пришли только её мама и тётя. Суровый дед и братья не приехали из Ростова. Конечно, Ане было обидно, что в радостный для неё час, не все родичи разделяли её счастье, на фото она улыбалась милой застенчивой улыбкой. Свадьба была весёлая. На другом фото с этой свадьбы Жорик и Люська стоят рядом с доской, на которой работники столовой каждый день писали мелом меню. По чьему-то недосмотру меню с доски не стёрли перед свадебным торжеством, а там среди прочих блюд значился «Студень свежий». Какой-то шутник в слове «Студень» стёр мягкий знак и написал вместо него букву «т», получилось «Студент свежий» и дальше — цена. Жорик показывал пальцем на эту графу, а Люська показывала пальцем на Жорика и оба корчили ро-

жицы. Потом его долго дразнили — «Студент свежий». После окончания института его распределили* в Оренбургскую область вместе с Вадиком. Отработав, как и положено, три года, Жорик уехал в родную Грузию. Зато Вадик там прижился, получил квартиру и женился.

Вася с Викой поженились, как и планировали, на пятом курсе, как раз перед распределением, чтобы получить направление в одно и тот же место. За два года до этого деканат провёл опрос студентов, где бы они хотели работать после окончания института.

Большинство написали, что хотят работать на стройке, а Люська с Райкой заявили, что хотят преподавать в строительном профтехучилище. И надо же, их пожелания учли, и было для них зарезервировано два места в профтехучилище города Калинина. Но к моменту распределения они обе вышли замуж, было ясно, что они останутся со своими мужьями и никуда не поедут. Вася с Викторией упростили комиссию отдать им места в профтехучилище и уехали в город Калинин. А Юру Чеснокова распределили в Барнаул. Он единственный из всей группы сразу получил должность прораба благодаря своей представительной внешности и командному голосу. Другие ребята и девочки сначала работали мастерами, и только спустя какое-то время поднимались ступенька за ступенькой по служебной лестнице. Там же, в Барнауле, он и женился. Как выглядела его жена, Ирина Петровна не знала, фото жены Юра не присылал. А её саму распределили в Воронежскую область. Она работала мастером на стройке

* *Примечание: Распределение в СССР — практика трудоустройства выпускника высшего учебного заведения и среднего специального учебного заведения, обязательная на определённый срок (три года) как для самого выпускника, так и для работодателя, и гарантирующая занятость молодых специалистов и их социальные гарантии.*

и ещё пять лет не выходила замуж, всё никак не могла забыть Юру. Потом всё же нашла свою половинку.

Первые годы после окончания института она переписывалась со всеми однокурсниками, но потом постепенно переписка заглохла. Только Аня, которая осталась жить в Новочеркасске, писала ей постоянно. Они часто вспоминали студенческие годы и то происшествие на картошке, когда Галку и Андрея Леонидовича кто-то подпалил на стогу. Они жалели Галину и сочувствовали ей. Ведь по возвращении из совхоза в Новочеркасск одноклассники стали её сторониться. Даже на лекциях справа и слева от неё всегда были свободные места, раньше такого не бывало. Наверное, это был животный страх, который люди унаследовали от своих первобытных предков. Они боялись, что тесно общаясь с ней, привлекут к себе от неудачливой сокурсницы какую-нибудь неприятность, которая осложнит им жизнь. Это тяготило Галину. Вскоре она перевелась на заочное отделение и уехала из города, чтобы в другом месте, где никто её не знает, начать новую жизнь.

Аннушка

Глава I. Домик на холме

Ленка (нескладный подросток двенадцати лет) и её бабушка Наталья Прокопьевна жили в маленьком бревенчатом домике, на самой вершине одного из холмов, на которых раскинулся город Сурск. Родители девочки разошлись, когда ей было пять лет. Отец сразу же куда-то уехал, и она его больше никогда не видела. Мама говорила ей, что папка у неё плохой, прячется от алиментов. Ленка не знала что такое алименты, а спросить боялась, думала, что мама рассердится (она всегда сердилась, когда разговор заходил о папе и обо всём, что было с ним связано). Девочка долго размышляла и решила, что алименты — это очень страшные дядьки, раз папка их боится и от них прячется.

— Бедный мой папочка, говорила она, — скорей бы алименты от него отстали, и он бы вернулся домой!

Но отец всё не возвращался, а мама вышла замуж за дядю Юру. Новый мамин муж Ленке не понравился, ведь папа у неё красивый, высокий, а дядя Юра — низенький, пухлый и пузатенький. Ленке казалось, что он похож на целлулоидного пупсика-голышка, которого ей подарили на день рождения. Волосы у дяди Юры светлые, желтоватые, ну точно как мочалка, которой Ленку моют в бане. Она не хотела называть его папой, и ревновала к нему маму. «Ну и пусть целуются, вот убегу, тогда поплачут! — мстительно думала она». И девочка стала убегать из дома. В первый раз её быстро нашли, и мама даже не наказала, рада была, что Ленка

нашлась. Дядя Юра тоже обрадовался, стал её обнимать, целовать, говорил, что любит как родную. Потом обнял маму, и тут Ленка опять заревновала и стала зло колотить его своими маленькими кулачками. Она ещё не раз убежала из дома, и находить её становилось всё труднее. Может, со временем Ленка и привыкла бы к новому мужу мамы, но у взрослых не хватило терпения дождаться. Проще было отправить её к бабушке Наташе в Сурск, с глаз — долой. Она уже семь лет живёт с бабушкой, а у мамы с дядей Юрой родились свои дети, Игорёк и Мариночка.

Из окон бабушкиного дома, далеко внизу, видна была река Сура. С высоты она казалась тоненькой голубой верёвочкой, изгибавшейся между неровными берегами. Видны были и железнодорожные пути, и поезда, которые с высоты казались маленькими, игрушечными. Далеко-далеко, у горизонта бледно-зелёной полоской виднелся лес. Ночью и рано утром слышны были гудки тепловозов и стук вагонных колёс, но днём, когда город не спал, звуки железной дороги рассеивались в общем городском шуме, и их не было слышно.

Ночью, лёжа в своей кровати, Ленка закрывала глаза и представляла, что едет на поезде к маме. Мама обрадуется, обнимет её и поцелует, Игорёк и Маринка тоже её обнимут, а дяди Юры пусть там не будет. Даже в своих мечтах Ленка не хотела видеть отчима. Под мерный стук вагонных колёс она сладко засыпала.

В домике было всего две крошечные комнатухи, а пару лет тому назад к нему пристроили неотопливаемую застеклённую веранду. Большая русская печь с лежанкой занимала много места. Зимой от неё шёл такой жар, что даже если открыть дверь на веранду, то в комнатах всё равно было тепло. Но вот по ночам, когда печь не топили, бабушкин дом остывал, и в углах комнат намерзали бугорки льда, а всё из-

за того, что пакля между брёвен с годами то ли подгнила, то ли выдуло её оттуда холодными зимними ветрами. По утрам бабушка скалывала молотком лёд, собирала его в совок и выносила во двор.

У Натальи Прокопьевны в старинном кованом сундучке был «загашник». Сундучок она запирала на большой всячий замок, а ключ прятала за иконами. В «загашник» она с каждой пенсии откладывала немного денег, чтобы накопить на конопатку стен. Ещё она торговала на местном базарчике ягодами, овощами и зеленью со своего огородика, а выручку складывала туда же, в заветный сундучок, при этом приговаривала:

— Вот накоплю денег, найму мастеров, законопатят они стены...

Каждый год летом приезжала в Сурск ленкина мама с младшими детьми. Бабушка радовалась их приезду, баловала подарками, а когда они собирались уезжать домой, вдруг оказывалось, что дяде Юре надо купить новый костюм (лучше, конечно, импортный), маме — стиральную машинку (старая прохудилась), а у Мариночки и Игорька нет зимней одежды потому, что они из старой уже выросли. Бабушка доставала из «загашника» денежки, отложенные на ремонт стен, и отдавала ленкиной маме. В следующем году находились какие-то другие неотложные дела, а про плохо проконопаченные стыки брёвен в стенах вспоминали только зимой. Бывало, если на улице разыгрывалась вьюга, то ветер свистел через щели, и выбившаяся оттуда пакля шевелилась в такт с порывами ветра. Бабушка брала ножик и заталкивала паклю обратно в паз. В те места, где особенно сильно дуло, она засовывала между брёвен вату и тряпки, от этого бревенчатая стена была как бы вся в «заплатках». Ленке это не нравились и однажды она предложила:

— Бабушка, а может нам стены обоями заклеить, чтобы вату и тряпки не было видно?

— Да как же их на брёвна клеить! — воскликнула бабушка. — Надо сначала обшить бревенчатые стены тёсом, поштукатурить, а уж потом обои наклеивать. У нас с тобой на всё это пока денежек нет.

— Бабушка, а мы очень бедные?

— Господь с тобой, внученька! Бедные, это которые милостыню просят, а мы, слава богу, не собираемся: и пища есть, и одежда. Есть чем худобу прикрыть, чего ещё надо?

— А стыки в брёвнах? — не унималась Ленка.

— Бог даст, законопатим. Вот если бы твой дедушка Иван Иванович был жив, царствие ему небесное, мы бы по-другому жили.

Бабушка вздохнула и перекрестилась.

— Был у нас прежде хороший просторный дом, наличники на окнах резные, что кружева, стены ровные, обоями обклеенные, да пришлось мне его продать.

— Почему?

— Нужда была! Дедушка твой голову на войне сложил, а я осталась одна с тремя детьми. Кроме твоей мамы, Надюшки, были у меня ещё два младшеньких сыночка — Мишенька и Сашенька. А ну-ка прокорми всех!

— А где теперь Мишенька и Сашенька? — спросила Ленка.

— В раю мои ангелочки! Померли они от дифтерии в сорок четвёртом году. Осталась у меня только одна доченька, твоя мамка.

Бабушка надолго замолчала.

— Про дом, про дом Расскажи, — напомнила бабушке Ленка.

— Ну, вот, значит, в сорок втором году окончила твоя мама десятилетку и засобиралась на фронт вместе со своими подружками. Пошли в военкомат. Подружек взяли, а ей отказали. Надюшка близорукая, дальше носа ничего не видит. Стали мы думать, как ей быть, учиться пойти в институт или на работу устроиться. Время голодное, решили с учёбой повременить. Ведь если Надя работать пойдёт, будет у неё рабочая карточка, а не иждивенческая, на неё продуктов поболее дают. Судили, рядили, куда пойти работать, профессии ведь никакой нет. А тут соседка предложила устроить Надю в магазин продавщицей, где сама работала завмагом. Я, дура, обрадовалась, подумала: «Ну, теперь сыты будем!» А через месяц у моей Надюшки оказалась большая недостача. Она плачет, понять не может, откуда недостача взялась. Подставили пройдохи неопытную девчонку. Завмаг пришла ко мне и говорит:

— Прокопьевна, Надьке твоей в тюрьме сидеть за недостачу, если я заявлю куда надо, а заявить я обязана. Но мне и тебя, и Надьку твою жалко. Давай по-соседски: пока я не заявила, покрой недостачу, — и сумму назвала.

— Матерь божья, — говорю, — да где же мне столько взять?

— А ты дом продай! Недостачу покроете, а на оставшиеся деньги дом поменьше купите.

— Да ведь дом быстро не продашь! Кто же теперь дома покупает? Люди с хлеба на воду перебиваются.

— Я куплю, — говорит, — мне для дочки дом нужен. Для тебя, Прокопьевна, тоже дом найдётся: я свою мать жить к себе забираю, её дом могу тебе продать. А не захочешь его покупать, ищи сама куда съехать.

— Что поделаешь, Надюшку надо было выручать. Продала я завмагу свой хороший дом и покрыла недостачу в ма-

газине. Потом подумала-подумала и купила дом её матери. Побоялась я, что чужие люди меня ещё сильнее обманут, чем соседка-завмаг, и останусь я совсем без жилья. Конечно, она нажилась на нашей беде, но спасибо, что хоть на улице мы не остались.

— Это и есть тот домик, где мы теперь живём? — спросила Ленка.

— Да, — вздохнув, ответила бабушка.

— А ты не жалела, что хороший дом продала?

— Жалела, а что поделаешь? Послал Господь испытание. Ничего не делается без его ведома. Так ему, видно, было угодно.

— Суровенький у тебя бог, бабуля! — заметила Ленка.

— Он наш пастырь, от того и суров. А мы его агнцы неразумные, вот он нас уму-разуму и учит.

— А в школе говорят, что никакого боженьки нет.

— Мало ли чего говорят, язык он без костей, что хочешь, натреплет. А ты, душа моя... — начала было говорить бабушка, а Ленка сверкнула на неё своими чёрными раскосыми глазёнками и продолжила за бабушку, подражая её речи:

— ... должна знать, что боженьку в сердце носить надо, а если вслух молиться нельзя, то молись «про себя»!

— Запомнила, — удовлетворённо сказала бабушка.

Глава II. Подруги

Наталью Прокопьевну, худенькую и шуструю старушку соседи прозвали «Победой». Они говорили ей: «Прокопьевна, до чего ты заводная, ну чисто легковушка «Победа», так быстро ходишь, что тебя и на «лисапете» не догнать!»

Ленка любила расчёсывать бабушкины длинные, совсем белые седые волосы, которые струились в пальцах девочки как шёлковые нити. Старушка заплетала волосы в косу и закручивала тугим узлом на затылке, а потом повязывала голову чёрным ситцевым платочком в мелкий белый горошек. Из-под низко повязанного платка, закрывавшего лоб, смотрели на Ленку добрые голубые глаза.

— Ба, ты зачем чёрную косынку носишь?

— Положено, я ведь вдова. Как на твоего дедушку Ивана пришла в сорок первом году похоронка, с тех пор и ношу.

Девочка стала в уме считать, подумала: «Много лет прошло...»

— А сколько лет вдовы должны чёрные платки носить? — спросила она.

— Каждая вдова сама для себя решает, сколько ей носить чёрный платок. Некоторые и вовсе его не носят. Глядишь, и года не прошло, а она уже с новым мужем, но я их не осуждаю. Охота — пуще неволи...

— А почему ты снова замуж не вышла?

— Жениха подходящего не нашлось. После войны неженатых мужиков моего возраста почти не осталось, а женатого из семьи уводить и детей его сиротами делать при живом отце — последнее дело! Когда вырастешь, Лена, с женатыми мужиками не связывайся!

— Ага, — сказала Ленка.

Она уже понимала, что бабушка намекает на её родителей. Ленкина мама полюбила женатого мужчину — будущего ленкиного отца, и увела его из семьи, где остались двое детей. По словам бабушки, господь наказал за это ленкиных мамку и папку — их брак оказался непрочным, и они разошлись.

В красном углу висели иконы и лампадка. За иконами хранились засохшие веточки вербы, освящённые в церкви на Вербное воскресенье и церковные тоненькие свечки. Она часто ходила в церковь, но внучку с собой не брала. Дочь строго наказывала ей, чтобы она голову девчонке не забивала религиозными бреднями. Как-то Ленка сказала бабушке, когда та собиралась в церковь:

— Вот, бабушка, космонавты в космос летали, а Бога там не видели! На дворе уже 1966 год, а ты всё в Бога веришь!

Наталья Прокопьевна усмехнулась и ответила:

— Да разве Бог безбожникам покажется! Ни за что не покажется! — и обе они засмеялись. Бабушка радовалась тому, что нашла что ответить, а Ленке было смешно от того, что она представила, как космонавты озираются по сторонам, хотят Бога увидеть, а он от них за луну прячется. Ленка потом даже картинку нарисовала, а бабушка показывала её своим подружкам.

Подружки у Натальи Прокопьевны тоже были верующие. Одну звали Анна Михайловна, а другую — Евдокия Евлампиевна. Бабушка называла их по именам — Аннушка и Дуня.

Дуня собирала свои седые волосы на затылке в жиденький кулёчек, по сторонам которого торчали два полукруглых гребешка, которыми она любила похвастать.

— Гребни-то черепаховые, — говорила она всякий раз, когда поправляла причёску, — это вам не пластмасса!

Когда она приходила в гости, Наталья Прокопьевна всегда угощала её обедом и поила чаем. Во время еды они беседовали, но больше говорила Наталья, а Дуня всё больше молчала и с большим аппетитом уплетала угощение, а если и говорила, то это было подхалимское поддакивание: «Да-да, да-да!»

Она постоянно чего-то высматривала у них дома, зыряка по сторонам глазами, а высмотрев какую-нибудь понравившуюся вещь, начинала клянчить её у подруги. Однажды Дуня выпросила старинную фарфоровую статуэтку пастушки с кудрявой беленькой овечкой и вазу для цветов из синего стекла. И статуэтку, и вазу Наталья Прокопьевна купила по случаю на барахолке. Обе красивые вещицы побыли у них в доме недолго, только до прихода к ним в гости Дуни. Та, как только увидела их, сразу стала клянчить:

— Наташа, подари! У меня скоро именины!

Наталья Прокопьевна махнула рукой, мол, забирай! Когда Дуня ушла, унося «добычу», Ленка, чуть не плача, спросила:

— Бабушка, зачем ты отдала Дуне пастушку и вазу?

— Дуня моя подруга, пусть порадуется. Ты же видела, как она тряслась, аж корёжило её, так хотелось ей пастушку и вазу. Жалко мне её стало, вот и отдала.

— Да за что её жалеть?

— Глупая она, господь ума не дал! — сказала бабушка и перекрестилась.

— Теперь цветы опять в простую банку ставить будем... А пастушка была такая красивая, хоть и с отбитым пальчиком на руке!

— Ну вот, не хватало, чтобы ты ещё и расплакалась! — бабушка поцеловала Ленку в макушку.

— У твоей Дуни глаза — завидующие, а руки — загребушие! — не унималась Ленка.

— Жили мы, Лена, без пастушки и без вазы, и дальше проживём, — вздохнув, сказала бабушка. — Если хочешь, как пойду опять на барахолку, посмотрю, может, что похожее попадётся, так я куплю для тебя, не переживай.

— Зачем ты дружишь с Дуней? Она противная! А ещё, как только ты отвернёшься, она конфеты из вазочки берёт и прячет в карман кофты. Она ещё и воровка!

— Что ты, что ты, деточка! Дуня с дочкой дом строят, тут каждая копейка на учёте, а конфеток-то хочется!

Ленке было не понятно, как это у людей есть деньги на постройку дома, а на конфеты не хватает.

— Твоя Дуня хитрая и жадная, она вовсе не дура! — сердилась Ленка.

Бабушка покачала головой.

— Да как тебе не стыдно говорить такое про взрослых! Мала ты ещё людей судить!

Другая подруга Натальи Прокопьевны — Аннушка, нравилась девочке. Она всегда приходила к ним в дом нарядная, весёлая и приветливая. На моложавом лице Аннушки играл яркий румянец, какой бывает только от крепкого мороза, но она не красила щёки. Аннушка любила рассказывать, как однажды новый священник, который не знал об этом, в церкви сердито отчитал её за то, что она в храм пришла с накрашенными щеками. Объяснениям, что они от природы такие, не поверил. Успокоился только тогда, когда поплевав на носовой платочек, потёр им по щекам женщины, и платочек оказался чистым, не запачканным румянами. В молодости она была монашкой, но всю жизнь старалась скрыть это, и потому в её речи не было высказываний из библии и часто-

го упоминания Бога. Слушая её речь, можно было подумать, что она из очень интеллигентной семьи.

Аннушка приходила к бабушке «посекретничать». Не смотря на преклонный возраст, у неё был «сердешный друг», вот о нём они с бабушкой и «шептались». Ленка любила подслушивать разговоры взрослых, правда, не всегда это удавалось. Если была хорошая погода, Наталья Прокопьевна отправляла её на улицу погулять. А вот когда на улице было очень холодно или лил проливной дождь, бабушка отсылала Ленку в спальню, откуда легко можно было подслушать, о чём говорят взрослые. Между комнатами не было двери, только дверной проём. Сначала подруги говорили шёпотом, потом всё громче и громче, забывая, что Ленка сидит в соседней комнате. А она ложилась на застеленную покрывалом кровать (бабушка запрещала ей это делать), и с наслаждением слушала «взрослые» разговоры.

Глава III. Рецепт от греха

Аннушка казалась Ленке личностью необыкновенной. Ленка нафантазировала себе, что она не из простых женщин, вроде бабушки Наташи и Дуни, которые обе были родом из деревни Терновка. «Она точно из бывших дворян! — думала Ленка». Все манеры Аннушки, обхождение с людьми, правильная речь, всё выдавало в ней даму благородную. Сидя за обеденным столом, она не горбилась, спину держала прямой, локти на стол не клала, а кушала Аннушка так красиво, просто загляденье! Не то что Дуня, которая во время еды громко чмокала, а если ела суп, то с шумом втягивала его в

рот. Но оказалось, что Аннушка тоже из «простых», а все её благородные манеры — результат воспитания в монастырском приюте для девочек-сирот. Аннушка любила рассказывать о себе, подружки не раз слышали её откровения, но если она опять начинала вспоминать своё детство и молодость, они слушали снова, ведь им в жизни не выпало пережить такое.

— Сама-то я из деревни, — обычно начинала рассказ Аннушка. — Отец крестьянином был. Матушка умерла, когда мне было семь лет. Кроме меня в семье было ещё трое детей, в доме нужна была хозяйка, и отец вскоре женился на вдове, у которой было двое своих детей. У меня с мачехой отношения не складывались.

«Совсем как у меня с отчимом! — подумала Ленка».

— Ну вот, отец и отвёл меня в Дивеево, в приют для девочек-сирот при женском монастыре. Я всю жизнь держала обиду на него за это. Не пожалел меня! Как котёнка выкинул из семьи.

Когда Ленка услышала это, то подумала: «Хорошо, что у меня есть бабушка Наташа, а то бы отдали и меня в приют!»

Слово «приют» казалось Ленке страшным, даже злое-щим. А вот Аннушка так не считала.

— Хотя я очень скучала по отцу, братьям и сестре, но было и хорошее в приюте, — говорила она. — Там я выучилась грамоте, шитью, вязанию и вышиванию. Обнаружилось, что у меня красивый высокий голос, и стала я петь в церковном хоре. По большим праздникам люди в церкви заслушивались звучанием моего чистого и звонкого голоса и говорили: «Истинно, ангелочек поёт!». А когда настало время покидать приют, я точно знала, что хочу быть монашкой, ведь нас в приюте воспитывали монахини и привили нам вкус к жизни в монастыре. Меня страшила жизнь в

миру: как только вернусь к отцу в деревню, меня тут же замуж выпихнут за мужика-лапотника, а я грамотная, к деликатному обхождению привычная, не хочу я коровам «хвосты крутить»! Упала я в ноги к игуменье, попросилась в обитель, приняла постриг и стала монашкой — Христовой невестой. Монастырь я любила и очень боялась, что меня за какую-нибудь провинность удалят из обители. Позовёт, бывало, настоятельница, а я иду к ней, ни жива, ни мертва, шепчу: «Господи, помилуй!». А в голове мысли вертятся, в чём я, грешница, провинилась?»

Такая покорность Аннушки и боязнь, что настоятельница за что-нибудь на неё разгневется, удивила девочку. Сама она не могла похвастаться послушанием. Часто она приходила домой с синяками и ссадинами. Бабушка охала и ахала, ей стыдно было перед знакомыми, что у внучки неприглядный вид, а ей очень хотелось, чтобы Ленка выглядела, как бабушка выражалась, благообразно. «Леночка, ты же девочка, а не мальчик, что же ты дерёшься? Ты ведь — будущая барышня, а не воин, должна быть тихой и скромной».

«А пусть не обзываются!» — отвечала Ленка. Бабушка только вздыхала и говорила внучке: «Внученька, ты их не слушай, Бог сам их накажет за злые слова».

Наталью Прокопьевну в рассказах Аннушки интересовала монастырская жизнь: трудно ли жить в обители, дружно ли живут монахини? Аннушка отвечала, что работа та тяжёлая. Послушание выше поста и молитвы. Порой пока послушание не выполнишь, и на службу в храм не идёшь, нельзя работу бросать. Остаётся терпеть и смиряться. Не все выдерживали, уходили даже послушницы. Всех любить надо, всем служить, а если душа к какой-нибудь монашке не лежит, прощения за то просить у Бога, помогать ей, чем можешь, молиться за неё. Глядишь, и оттаёт сердце. Главное,

никого не осуждать и говорить себе: «Я самая грешная, самая плохая, а все остальные, даже если не ангелы, всё равно в тысячу раз лучше меня...».

Ленка, услышав это, чуть было не выдала себя, что подслушивает взрослых. Она едва не выкрикнула: «Ну, уж нет, Дуня не может быть в тысячу раз лучше моей бабушки и Аннушки!» — но вовремя спохватилась, зажала рот ладошкой, чтобы слова не сорвались с языка. «Так вот почему и Аннушка, и бабушка носятся с этой противной Дуней, как с писаной торбой! — подумала она, — они считают себя хуже неё в тысячу раз!»

С этим Ленка никак не могла согласиться.

«А искушения?» — допытывались Наталья Прокопьевна.

— Искушения есть, только бояться их не надо. Это значит, что Бог не оставляет, учит. Исповедоваться надо чаще, хоть каждый день, и не только за дела, но и за помыслы. Я стремилась пойти в церковь каждую свободную минуту, очень любила исповедоваться, читала псалтирь и пела на клиросе. У меня сохранился даже «Рецепт от греха», составленный одной старенькой монахиней.

Аннушка полезла в сумочку и достала листок пожелтевшей бумаги.

— Всегда с собой ношу.

Она развернула бумажку, надела очки и стала читать: «Некий старец заходит в аптеку и спрашивает у провизора: «Есть ли у вас лекарство от греха?». «Есть, — отвечает лекарь и перечисляет: — Нарой корней послушания, собери цветов душевной чистоты, нарви листьев терпения, собери плодов нелицемерия, не упивайся вином прелюбодеяния. Всё это иссуши постом воздержания, вложи в кастрюлю добрых дел, добавь воды слёз покаяния, посоли солью братолюбия, добавь щедрот милостыни, да во всё положи поро-

шок смирения и коленопреклонения, принимай по три ложки в день страха Божия, одевайся в одежду праведности и не входи в пустословия, а то простудишься и заболеешь грехом опять».

«Уж больно заумно написано, — заметила Наталья Прокопьевна, — не для простых людей».

— Да, — сказала Аннушка и спрятала бумажку в сумочку, — высокого ума была монахиня, царствие ей небесное! У нас в обители не только высокоумные монашки жили, но и блаженные старицы, которые пророчествовали. Одна из них, Мария Ивановна, предвидела разгон монастыря, но говорила, что он возродится, правда не скоро это будет. «А мы, — спрашивали монашки, — мы-то доживём до этого светлого дня»? «Нет, не доживёте. Другие насельницы будут в нём богу служить».

Глава IV. У чужой тётки

Ленке было слышно из спальни, как Аннушка всхлипнула. Видно, она заплакала, вспоминая разгон любимого монастыря.

— Когда безбожники приехали закрывать монастырь, игуменья велела приковать себя в божьем храме к железному кольцу, вделанному в стену ещё в незапамятные времена. С нею в храме остались несколько стариц. В кельях монастыря закрылись несколько десятков особо твёрдых в вере послушниц. Остальные разбежались кто куда. Игуменью безбожники арестовали и отвезли в Москву, а тех стариц, что были при ней и упорных монашек, что закрылись в ке-

льях, по слухам, погрузили в товарные вагоны и отправили в Караганду. Говорят, ни одна не доехала до места. Кормили их в дороге плохо, давали только вяленую рыбу, а воды не давали. На какой-то станции их не то выпустили прогуляться, не то они сами вырвались наружу. Увидели горемычные, прости господи, лужу, да и напились из неё водицы — так их жажда мучила! Потом они все от дизентерии поумирали. А нас, молодых монашек, безбожники звали записываться в артель, зубоскалили, мол, мы вам быстро женихов найдём! Надо было как-то устраиваться в новой жизни. В родную деревню, к отцу, я ехать не хотела. У моей подруги Веры отец и мать давно померли, но в городе Калуге жила её родная тётка, к ней она и собиралась ехать, звала меня с собой. Вот я и подумала, что у этой тётки можно остановиться на первое время. Рискнула, поехала с подругой.

Тётка подруги, Матрёна Ивановна, приняла нас приветливо, передела в мирскую одежду хоть старую, но чистую, строго настрого приказала никому не говорить, что мы монашки. «Говорите, что вы из деревни, приехали на заработки, да не признавайтесь, что грамотные!»

Дни и недели складывались в месяцы, а работу чистую и непыльную найти не удавалось. Хотя я умела шить и вязать, но не было у меня ни швейной машинки, ни денег на обзаведение, ни своего жилья. Подруга-то живёт у родной тётки, а я чужая, совестно было «сидеть на шее» у Матрёны Ивановны, вот и пошла я в больницу санитаркой. Сказала начальнику, что из деревни приехала. Он, глядя на мои алые щёки, пошутил, мол, нам такие ядрёные нужны, и сходу шлёпнул по заду. А я покраснела, но стерпела, боялась, что если возмущение выкажу, то выдам себя. Работы у санитарки в больнице — хоть отбавляй, но я не жаловалась. Меня ведь воспитали в привычке к послушанию, я была на хоро-

шем счету у начальства. Как научила Матрёна Ивановна, я притворялась безграмотной, и меня записали на курсы Ликбеза*. Конечно, я «училась» быстрее других учениц, которые были и вправду неграмотные, меня хвалили. А я мечтала стать медсестрой и однажды призналась в этом главврачу. Он обещал помочь. Скоро меня направили на Рабфак**, а после его окончания, зачислили в медучилище. Со стороны казалось, что всё у меня прекрасно, но душа не находила покоя. Все эти люди, от которых я в больнице зависела, и которые мне помогли поступить в медучилище, все они были безбожники. В монастыре, после каждой грешной мысли, я крестилась и читала шёпотом молитву. А в миру, среди безбожников, каждый раз, поймав себя на греховной мысли, я замирала с приподнятой рукой. Рука сама тянулась ко лбу, и приходилось усилием воли останавливать её движение. Хорошо, что окружающие считали это просто чудачеством и за глаза называли меня «Анька-замри!».

Меня тревожило ещё вот что: наружность я имела приятную, и от ухажёров не было отбоя. Но я, как монашка, боялась отвечать на их ухаживания, а они на меня за это злились и мстили. И вот однажды утром Матрёна Ивановна обнаружила, что ворота её двора вымазаны дёгтем. «Ахти, господи

---

* *Примечание: Ликбез — это ликвидация безграмотности у населения. В 1919 году Совет народных комиссаров принял декрет об учреждении Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности (ВЧК ликбез). По этому декрету, люди в возрасте от 8 до 50 лет, не умевшие читать и писать, должны были обучиться грамоте на родном или русском языке.*

** *Примечание: Рабфак (рабочий факультет) — общеобразовательное учебное заведение, осуществлявшее в 1920-1930-х годах подготовку в ВУЗы рабочей и крестьянской молодёжи, не получившей своевременно среднего образования. Выпускники Рабфака зачислялись в учебные заведения без вступительных экзаменов.*

боже! — восклицала она, хлопая себя руками по бокам, как курица крыльями. — Да за что! За что! Признавайтесь, Христовы невесты, чей хахаль ворота мазал!»

Всем было известно, что мазали дёгтем ворота гулящим девкам. Мы с Верой разрыдались, а Матрёна Ивановна всё бушевала. На крики вышел во двор её супруг, тихий незаметный старичок, Николай Максимович. Обычно его было не видно и не слышно, а тут он вдруг возвысил голос: «Слышь, Ивановна! Ворота они где? Ворота на улице. Кто хошь подойдёт и измажет, хоть по злобе, хоть по озорству! Что зря девок ругать! Уймись, Христа ради!»

Всё ещё разгорячённая обидой, Матрёна Ивановна ушла в дом. За вечерним чаем, поохав, она сказала: «А всё же надо приискать вам мужей, так спокойнее будет. Раз обет Богу давали, то не венчайтесь в церкви, а живите в гражданском браке. Это, конечно грех, но ещё больший грех будет, коли по рукам пойдёте как блудницы. Я подыщу вам мужей набожных, степенных, с доходной профессией, чтобы жили вы в достатке».

Вера промолчала, а я идти замуж отказалась. Тогда Матрёна Ивановна, обиженно поджав губы, сказала: «Не обижайся, Аня, но в таком случае поищи себе другую квартиру!

Думаешь, я не знаю, что через тебя мои ворота пострадали? Верочка сидит день и ночь дома, мне по хозяйству помогает, а ты на людях, хвост распустила, как пава красуешься, людей в соблазн вводишь! Живи, как знаешь, а я за тебя не в ответе!»

Тяжело мне было покидать гостеприимный дом Матрёны Ивановны, но и уступать я не хотела. Вера вскоре вышла замуж за пожилого печника, которого ей приискала Матрёна Ивановна.

Слушая рассказ Аннушки, Ленка пыталась представить себе этого печника. К ним с бабушкой каждый год летом приходил один и тот же печник, чтобы почистить дымоходы и подремонтировать печную трубу на крыше. Бабушка называла его Петровичем. Он был коренастый, ловкий в работе, но лицо у него было красное, как кирпич, а нос сизый. Окончив работу, и усевшись за стол, он смачно чмокал, кушая бабушкино угощение. При этом он всегда выговаривал ей: «Хорошая у тебя наливка, Наталья Прокопьевна, а всё же лучше б ты мне водочки поставила!»

Это не мешало ему угощаться наливочкой и дальше, пока не опустеет графинчик. Бабушка и жена Петровича хорошо знали друг друга, и это по её просьбе бабушка не ставила Петровичу водку. Но и наливочкой он однажды так хорошо «накушался», что забыл на столе деньги за работу. Бабушка бросилась его догонять, а вернулась домой только через несколько часов. Как оказалось, она нашла печника лежащим под кустами на обочине дороги. Он захмелел так, что «лыка не вязал». Пришлось бабушке довести Петровича до самого его дома и сдать с рук на руки жене. «Вот ведь какая напасть, — говорила она потом, — хороший работник, а «зелёный змий» его губит! Не знает Петрович меры, прости его Господи!»

Вот таким же, как знакомый печник Петрович, виделся Ленке муж Веры, и было ей жалко Веру до слёз. Хорошо, что увлечённые разговором, ни бабушка, ни Аннушка не слышали как Ленка шмурыгает носом, в котором что-то защипало, когда у неё от жалости к Вере на глаза навернулись слёзы. Бабушка наверняка бы стала выспрашивать, что случилось, а Ленка своих слёз стыдилась, к тому же стало бы понятно, что она подслушивает взрослых.

— Потом я жила в общежитии. — рассказывала Аннушка. — Там ничего нельзя было утаить от чужих глаз, и поэтому свой нательный крестик я спрятала в наружной стене закрытой большевиками церкви. Нашла место, где раствор между кирпичами выкрошился, и положила его туда. Мне казалось, что вот-вот грянет гром, а молния поразит меня своим огнём, но ничего этого не произошло. Я шептала слова молитв и торопливо крестилась. Люди, проходившие мимо, не обращали на меня внимания, город жил своей жизнью. На обратном пути чувство вины меня не покидало, и поэтому я не удивилась, когда проходя под старыми тополями, была обгажена воронами, которые свили там гнёзда. «Поделом мне, отступнице, поделом! Через божьих тварей Господь наказует!» — шептала я. Нательный крест я стала носить только когда вышла на пенсию, а почти всю жизнь, как безбожница, его не носила.

«Не кори себя, времена были такие!» — сказала подруге Наталья Прокопьевна.

Глава V. Митенька

О своём «сердешном» друге Аннушка могла говорить часами.

— С Митенькой я познакомилась во время войны в санитарном поезде, где мы оба служили. Дмитрий Петрович в ту пору был мужчина видный. Медсестрички и санитарочки заглядывались на красивого хирурга, а он, как павлин, «распускал хвост» и ухаживал, попеременно, то за одной, то за другой. Я была старше Дмитрия Петровича на восемь лет, и

мне казалось, что для него я уже старая (в 1941 году исполнилось сорок три года), и потому на внимание хирурга даже не надеялась, хотя в Митеньку влюбилась сразу, как только он появился в санитарном поезде. Его прозрачные, голубые, как весеннее небо, глаза снились по ночам. Дмитрий Петрович поначалу видел во мне только очень опытную операционную медсестру, надёжную напарницу в работе. Прежде чем он меня полюбил, мы с ним «пуд соли съели».

Мы так «прикипели» друг к другу за годы войны, что когда она закончилась, расставаться было очень тяжело. Дмитрий Петрович был женат, у него росли сын и дочь. Жена, Валентина, писала ему часто. В одном из писем был даже, обведённый карандашом, контур детской ладошки, чтобы «папочка видел, как подросла младшенькая». Мы вместе читали это письмо и у меня ручьём лились слёзы.

«Ну что ты! Не плачь! Детей своих я не брошу, помогать буду. С Валентиной разведусь, а мы с тобой поедem к тебе, в Калугу» — утешал он меня.

— Нет, Митенька, не могу я вашу семью порушить, я ведь бывшая монашка, Христова невеста, обет богу давала, обет безбрачия! Не могу я клятву нарушить, хоть и люблю тебя больше жизни! «Вот те на!» — только и нашёл, что сказать он мне в ответ.

Долго уговаривал забыть про «дремучие» предрассудки, но так и не уговорил. Поехала я в Калугу, а он к семье в Сурск. Но только, видно, от судьбы никуда не уйдёшь! Не смогли мы жить друг без друга. Хоть и не сразу, всё же я переехала в Сурск. Дмитрий Петрович помог устроиться в ту же больницу, где работал сам. Сначала я снимала углы в частных домах, а потом получила комнату в коммуналке. Поначалу о наших отношениях никто не знал, но шила в мешке не утаишь. Нашлись доброжелатели, сообщили Валентине.

Она была не из тех, кто уступает без боя. За своё счастье решила бороться, а потому пригрозила Митеньке, что, мне ноги переломает, а на него пожалуется в профком и в партком. Митенька ей ответил:

«Ну и чего ты, глупая, добьёшься? Если тронешь Анну, я от тебя к ней уйду!»

«А партбилет! — пустила в ход последний аргумент Валентина, — партбилета лишишься, что тогда?». Дмитрий Петрович ответил: «Да мне плевать что тогда!».

Понятно, что Валентину душила обида. Митеньке она говорила: «Ну чем эта «старуха» тебя приворожила? Я и моложе, и собой не дурна, одеваюсь модно, туфли всегда на высоких каблучках, причёску делаю как у Любови Орловой. Мне говорят даже, что я на неё похожа! А тебя к этой краснощёкой матрёшке тянет!»

Валентина, конечно, не хотела развода. Она понимала, что ей выгоднее оставаться женой известного в городе хирурга, не работать, заниматься домашним хозяйством и воспитанием детей. Это лучше, чем стать разведёнкой с двумя детьми на руках. Да и другого мужа, попробуй, найди! Вон сколько молоденьких девчат подросло, а мужиков после войны — раз, два и обчёлся! А с двумя детьми не всякий ещё и замуж возьмёт. Затаилась она, сделала вид, что смирилась, но против меня развязала настоящую «холодную» войну: распускала про меня сплетни, исхитрилась и добыла адрес моего сына, и написала ему про моё, якобы, аморальное поведение.

«Эх, Аннушка, а разве у тебя поведение было правильное?» — с укором в голосе спросила Наталья Прокопьевна.

— Всегда ты, Наташа, скажешь, как припечатаешь! Подруга называется!

«А кто ещё тебе, душа моя, правду в глаза скажет?» — спросила её Наталья Прокофьевна.

Глава VI. Виктор

Хотя Аннушка и была Христовой невестой, хоть и давала обет безбрачия, но так уж сложилась её жизнь, родила она сына от сожителя.

— Что за прок теперь каяться, — говорила она. — Молодая я была, влюбилась! Николай был токарем на заводе, «сошлись мы», от него я родила сына Виктора. Брак свой в Загсе не регистрировали, ведь я Богу клятву дала. Николая это устраивало, но вот его богомольная мать, Мария Митрофановна, беспокоилась и настаивала, чтобы мы тайно обвенчались в какой-нибудь деревенской церквушке, которую власти ещё не закрыли. «Детки вы мои неразумные, — говорила она, заглядывая попеременно в глаза то сыну, то мне, — вы ведь оба крещёные, зачем же вам жить во грехе! Обвенчайтесь, утешьте меня, старую. Недолго мне осталось, хоть помру спокойно, оставлю вас на Божию милость, а то ведь Господь спросит с меня старой, пошто не вразумила чад своих!»

«Не волнуйтесь, мама, всё будет хорошо, — успокаивал мать Николай, — ещё успеем и в Загс сходить, и в церкви обвенчаться!».

Но скоро мы расстались: думали, что на время, а оказалось — навсегда. Как-то приехал в Калугу к своим родным друг детства Николая. Он теперь жил в Москве и работал

на строительстве метро. Николай «загорелся» ехать с ним в Москву. Решили, что пока поедет один Николай, устроится там, а после вызовет меня с сыном. Когда свекровь узнала об этом, то покачала головой и сказала: «Смотри, Аннушка, уведёт Николая какая-нибудь московская вертихвостка, глазом моргнуть не успеешь!». И ведь как в воду глядела! Николай через полгода «подженился» на москвичке, которая в отличие от меня сразу повела его в Загс и стала законной супругой. Конечно, известие о его женитьбе меня подкосило, но пришлось смириться с этим, ведь грешница я великая, вот Господь и наказал! Мария Митрофановна стала причитать и укорять меня за то, что не послушалась я её и не настояла на регистрации брака. «Они же, мужики, бес им в ребро, только о себе думают! Как же теперь Витюшка без отца расти будет? Ой, горе, горе!»

— Если разлюбил, то ничего его не удержит — ответила я, — даже сынок!

«Ой, дура, дура! Да другая бы в Москву кинулась, все бы патлы той москвичке повырывала! Нешто это дело, мальчонка без отца остаётся. Ох, Анька, сдаётся мне, что ты Николая моего и не любила...».

Любила я, любила, ещё как любила! Но былого не вернёшь. Николай сначала присылал деньги на сына, а потом перестал. И тут не стала я выяснять, что и почему, всё приняла как должное. Растить сына помогала свекровь, Мария Митрофановна. Она очень любила Витеньку. После расставания с Николаем я больше ни с кем «не сходилась», хоть вниманием мужчин обойдена не была. Когда началась война, Виктору было тринадцать лет. Призвали меня, как медработника, на фронт, а сынок остался на попечение свекрови. После войны я вернулась в Калугу, жила вместе со свекро-

вью и сыном. Потом Виктора призвали в армию. Парень он был видный и при здоровье. Попал на флот, служил в Севастополе. Годы войны, прошедшие без материнской ласки, а потом и служба в армии отдалили его от меня. Понимала я, что недодала сыну материнской любви. Часто писала сыну письма, а он отвечал редко и как бы даже неохотно. Жизнь в Калуге меня тяготила, но пока была жива свекровь, я и не помышляла о переезде в Сурск. Только после смерти Марии Митрофановны решилась на переезд. Написала об этом Виктору, он был против, ведь я не скрывала от сына, почему хочу переехать. А потом, уже после моего переезда, когда он получил письмо от Валентины, в котором яркими красками описывалось моё «аморальное» поведение, он затаил на меня обиду, видно, ревновал к Дмитрию Петровичу. Писать письма стал ещё реже, а после окончания службы на флоте остался в Севастополе и скоро женился на местной девушке. Ездил я на свадьбу. Раньше никогда не бывала в Крыму, и его природа поразила меня своей южной красотой. А море! Как оно прекрасно в ясную погоду! Часами могла я стоять на набережной и наблюдать, как меняется море в зависимости от освещения. Набежит на солнце тучка и меняется цвет волны, подует ветер, и закучерявятся белые «барашки» на верхушках волн. Поняла я, почему сын так полюбил эту южную землю, ведь и мою душу согрела красота этих мест. Полюбились мне и невеста сына, Татьяна, черноглазая бойкая девушка. Они уговаривали переехать из Сурска к ним, в Севастополь. Я даже расплакалась, так тронула их забота, но, улучив момент, когда я осталась наедине с сыном, сказала:

— Не могу я без Митеньки! Ты, сынок, уж прости меня! — и вернулась домой.

Уже не раз Ленка слышала эти рассказы и думала: «А моя мамочка пожалеет когда-нибудь, что я живу не с ней?»

Глава VII. «Ходя» и «ходина бабушка»

Однажды после того, как Аннушка ушла к себе домой, Ленка спросила Наталью Прокопьевну: «Ну, почему у неё в жизни так много интересного? И монашкой побывала, и на войне в санитарном поезде медсестрой служила, и теперь на виду — в церковном хоре поёт, а у тебя и Дуни всё обыкновенное — в деревне выросли, потом в город уехали».

— У каждого человека своя судьба. Думаешь, что в нашей семье ничего интересного не было? Было! Только мала ты ещё, много чего не понимаешь, вдруг разболтаешь чужим людям, чего не следовало. «И вовсе я не маленькая! — воскликнула Ленка. — Расскажи!»

— Ну, ладно, только ты об этом никому не говори, мало ли что! Ты знаешь, почему ребятишки тебя «косоглазой» дразнят? Твой дедушка, Иван Иванович, был наполовину китаец! Глазки раскосые ты получила от него в наследство, как и твоя мама.

Ленку эта новость ошеломила: «Откуда в Сурске китаец? — спросила она.

— Твоего дедушку привезли сюда совсем маленьким. Он родился в городе Благовещенске, это очень далеко, в Приморском крае. Благовещенск стоит на левом берегу реки Амур, а на правом берегу уже не Россия — Китай. Когда там жила мама твоего дедушки — Степанида, в городе было

много мелких китайских торговцев, вроде наших русских коробейников. Местные жители называли их — «ходя», от слова ходить, они со своим товаром ходили по дворам. Некоторые из них женились на русских женщинах. Русскую жену китайца называли «ходина бабушка».

«Эти женщины все старенькие были»? — спросила Ленка. Бабушка рассмеялась.

— Нет! Китайцам казалось, что слово «баба» — это грубо, а «бабушка» — это ласково и красиво. Называют же русские мужчины любимую женщину — любушка! Вот китайцы и говорили не баба, а бабушка. Будущая мама твоего дедушки Ивана Ивановича, Степанида, полюбила китайца «ходя», и стали они вместе жить.

«Так она была «ходина бабушка»? — догадалась Ленка.

— Родные от неё отвернулись, потому что жила она в невенчанном браке. Обвенчаться в церкви со своим китайцем Степанида не могла: у китайцев свой бог, а у русских — свой. Звали китайца на русский манер Ваней, а его китайское имя и не выговоришь. Так и жили, а потом родился у них твой дедушка, назвали его тоже Ваней. Только недолго длилось их счастье. Как-то зимой китаец Ваня сильно простудился и стал кашлять с кровью. Сначала он лечился дома: отвары трав пил, натирала ему грудь и спину медвежьим жиром, но ему становилось всё хуже и хуже. В середине марта позвали доктора. Доктор осмотрел больного и сказал, что у него скоротечная чахотка и надежды на выздоровление нет. Тогда китаец Ваня решил поехать на родину и там лечиться у своих китайских докторов. Он на них очень надеялся, но сразу уехать не смог — на Амуре начался ледоход. Лёд стал трещать, ломаться. Глыба льда напозала на глыбу. Реку невозможно было ни пешком перейти, ни в лодке пересечь.

Пришлось ждать окончания ледохода, только тогда Ваня смог уплыть на лодке в Китай. Степаниду и сына он с собой не взял. Оставил им деньги на несколько месяцев и сказал, чтобы они ждали его возвращения в конце лета. А в июле пришёл к ним незнакомый китаец, тоже «ходя», и сообщил Степаниде, что её муж умер. Он рассказал так же о том, что китаец Ваня горевал, что больше не увидит жену и сына, просил перед смертью своих родственников передать оставшиеся при нём деньги Степаниде в Благовещенск. Волю покойного родственники выполнили, правда, не известно всё ли отдали. Степанида тяжело переживала смерть мужа, а деньги скоро кончились, нужда давила, родня знать её не желала. Подруги советовали снова выйти замуж. Сватались к ней женихи, но все они хотели, чтобы Степанида сдала Ваню в приют. Только преклонных лет вдовец, Андрей Сергеевич Сниткин согласился, чтобы Ваня остался при матери после их свадьбы. За него она и вышла. Андрей Сергеевич был состоятельный, держал лавочку.

Ваню Сниткин усыновлять не стал, у него были свои сыновья от первой жены. Они не хотели, чтобы безродному китаюцу досталась хоть малая часть папенькиного наследства. Ваню записали на девичью фамилию Степаниды, и стал он зваться — Иван Иванович Бушуев. А когда началась русско-японская война, муж Степаниды решил перевезти семью в «Рассею», в город Сурск, где у него были родственники, там, мол, спокойнее — от войны далеко. Продали Сниткины в Благовещенске и дом, и лавочку, и перебрались в Сурск.

Бабушка вздохнула, перекрестилась, а потом продолжила свой рассказ:

— Степанида хотела, чтобы Ваня рос при ней, чтобы Андрей Сергеевич обучил его со временем торговому делу,

а там, бог даст, и приказчиком в своей лавке поставил! Но мечтам Степаниды не суждено было сбыться. Ваня был при ней только до девяти лет, а потом Андрей Сергеевич отдал его «в люди», в обучение к плотнику. Степанида попробовала заступиться за сына, но муж был неумолим.

«Что ты глупая кричишь? Плотник — хорошая профессия. Кто твой Ваня? Безродный китаец! Пусть радуется и этому»!

Вот и получилось, что Ваня с девяти лет жил у чужих людей, на побегушках, но плотницкому делу всё же выучился. И хорошо, что не записали его в Сниткины! После революции всех Сниткиных мужеского пола арестовали и увезли неведомо куда, а лавку, что они держали и дом, власти забрали. Когда пришли арестовывать Сниткиных, Степаниды дома не было, куда-то она отлучилась. Спасибо, соседи перехватили её по дороге домой, и рассказали о случившемся. В свой дом она идти побоялась, так и пришла к Ване на квартиру, где он угол снимал, без вещей, в чём была...

«А деда Ваню дразнили косоглазым»? — спросила Ленка.

— Может, и дразнили глупые люди: ведь на каждый роток не накинешь платок! Ты, Лена, не переживай. У тебя глаза уже не такие раскосые, как у деда Ивана и мамки. Главное ведь не какой разрез глаз, а чтобы человек был хороший. Вот твой дед Ваня был с раскосыми глазами, а я за ним жила как за каменной стеной. А про то, что он был пасынком богатого лавочника, помалкивай, мало ли что! При Сталине за это могли в Сибирь загнать, в лагерь! Но и теперь поберегись, не болтай лишнего!

Глава VIII. Месть Валентины

Однажды, уплетая сытный обед, которым её угостила Наталья Прокопьевна, Дуня сказала:

— Насчёт нашей Аньки вот что думаю: много лет прошло с тех пор, как она связалась с женатым хирургом. Дети его повырастали, своими семьями обзавелись, самое время ему уйти от жены к ней!

— И вот что удивительно: ни Дмитрий Петрович, ни Валентина, ни Аннушка не думают ничего менять! — согласилась с ней Наталья.

— Чует моё сердце, добром это не кончится! — подвела итог Дуня, и словно ворона, беду накаркала.

Вскоре, в один недобрый день у Дмитрия Петровича случился инсульт. Он долго лежал в больнице. Аннушка стала его добровольной сиделкой. Валентина не возражала, ведь кто лучше Аннушки присмотрит за больным, да и платить ей не надо! Днём и ночью сидела Аннушка возле своего Митеньки и бесшумно шевелила губами, читая молитвы. Валентина, навещая мужа, смотрела на неё как на пустое место, а когда Дмитрия Петровича выписали, она запретила Аннушке приходить к ним домой. Теперь Дмитрий Петрович был в её власти. Он страдал потому, что давно не видел Аннушку, а Валентина радовалась его горю. Это была её месть. Аннушка, как побитая собака, кружила возле дома Митеньки, надеясь, что он выглянет в окно. Ноги плохо слушались Дмитрия Петровича, но однажды он доковылял кое-как до окна. На противоположной стороне улицы, прислонившись к фонарному столбу, стояла знакомая фигурка, это была Аннушка. Она тоже увидела Митеньку и помахала ему рукой, а

он хотел что-то крикнуть ей в форточку, потянулся, чтобы её открыть, но тут подбежала к нему Валентина и силой увела от окна. В тот день Аннушка пришла к ленкиной бабушке и долго плакала, уткнувшись ей в плечо.

Время шло, и к концу лета Валентина стала выводить мужа на улицу. Эти прогулки поначалу были недолгими, но потом становились всё длиннее и длиннее. Уже не надо было его поддерживать, он мог самостоятельно ходить, опираясь на палочку. Почувствовав, что окреп, Дмитрий Петрович стал снова навещать Аннушку, поджидая случая, когда жена надолго отлучится из дома. Каждое посещение радовало Аннушку. Проводив Митеньку, она спешила к Наталье Прокопьевне поделиться своим счастьем. Но перед ноябрьскими праздниками Валентина, уйдя из дома, через полчаса вернулась, а Дмитрия Петровича след простыл. Интуиция подсказывала ей, что он, оклемавшись, «взялся за старое» — опять пошёл к «проклятой Аньке». Нет, пойти он не мог, Анька живёт далеко, а с его ногами после инсульта ходить тяжело, он поехал к ней на автобусе!

Чтобы проверить свою догадку о том, что муж у Аньки, она не поленилась, поехала к дому соперницы и дождалась, когда Дмитрий Петрович вышел из подъезда вместе с Аннушкой. Валентине очень хотелось выскочить из-за угла, где она пряталась, вырвать из рук у Дмитрия Петровича его палочку и отдубасить его и Аньку этой палкой от души.

«Ах ты старый хрыч! Ни копейки больше не получишь! Сидеть будешь дома, как миленький! — всё больше распаяясь, думала Валентина». Домой она вернулась, когда Дмитрий Петрович уже сидел перед телевизором с раскрытой газетой в руках и «клевал» носом. « Вот так всегда будешь сидеть, дон-Жуан сраный! — зло подумала она».

С этого самого дня Валентина лишила Дмитрия Петровича наличных денег.

Глава IX. Последняя встреча

В тот холодный декабрьский день, когда Аннушка пришла к Наталье Прокопьевне с заплаканными глазами, Ленку сразу отослали в спальню.

— Ой, Наташа, мой-то Митя вчера ко мне приезжал. Он после инсульта попал в полную зависимость от Вальки. Она ему ни копейки денег не даёт. «Сиди дома, — говорит, — нечего по любовницам в твоём возрасте шастать!». — Голос у Аннушки задрожал.

— А он, бедненький, нашёл под столом пять копеек, что Валька невзначай обронила, дождался, когда она из дома уйдёт, и сразу на автобус. Слышишь, Наташа, тайно ко мне приехал! Сдал он сильно! Нет прежнего Митеньки. С палочкой ходит. И чего она его ко мне не пускает? Ему со мной просто поговорить хочется.

«Аннушка, — строго сказала Наталья Прокопьевна, — Валентину легко понять, она всю жизнь тебя к нему ревновала и ты, прости меня за правду, перед ней виновата. Я тебе больше скажу: ты сразу после войны правильно поступила, уехала в Калугу. Ну, и жила бы там, не смущала женатого мужчину. Ведь и в песне поётся: «С любовью справлюсь я одна, а вместе нам не справиться!» Зачем ты в Сурск поехала?»

— Видать, бес попутал, грешна! — вздохнула Аннушка. — Любила я его сильно и теперь люблю...

«Ты, Аннушка, знаешь, как я отношусь к тем женщинам, что чужие семьи разбивают, свою собственную дочь за это осуждаю!».

— Я семью Митеньки не порушила, — перебила Наталью Прокопьевну Аннушка.

«Ну да, Митенька не развёлся с Валентиной, зато всю жизнь изменял ей с тобой. Каково было Валентине? С какой стороны не посмотри, ты и твой Митенька грешники. Вот вас бог и наказывает! Терпи теперь».

— Легко тебе говорить, — обиделась Аннушка.

«А кто тебе ещё правду-матку скажет? Жалко мне вас всех: и тебя, и Митеньку, и Валентину». Аннушка заплакала. Наталья Прокопьевна обняла подругу и стала гладить по голове как маленькую девочку. «Поплачь, поплачь, легче на душе станет!» — говорила она Аннушке.

— Эх, Наташа! Ты не представляешь, как он Вальку боится! Посидел полчаса, и засобирался к себе домой. «Прости, — говорит, — Аннушка, надо домой вернуться, пока Валя с базара не пришла. Дай пяточок на обратный путь, а то пешком идти нет сил».

Я чуть не заплакала, говорю:

— Возьми рублик, другой раз у Вали просить на автобус не надо! — Он отказался.

«Всё равно, — говорит, — она найдёт и отберёт!»

— Проводила я его до автобуса, уехал он, а на душе неспокойно, а ну, как умрёт! Похоже, он прощаться приезжал...

«Что ты, что ты! И думать про это не смей! — говорила Наталья Прокопьевна, — он ведь младше тебя. Какие его годы!»

— Твоими бы устами мёд пить! — сказала Аннушка, — спасибо за хлеб-соль, пора мне домой, засиделась у тебя.

Ленка соскочила с кровати, и вовремя. В спальню заглянула Аннушка, чтобы с ней попрощаться:

— До свиданья, Леночка! Дай Бог тебе здоровьичка! — и она, как всегда, поцеловала Ленку в щёку.

Наталья решила проводить Аннушку. Ленка смотрела из окна, как они идут под ручку по заснеженной улице, то и дело, поскальзываясь на запорошенных снегом ледяных дорожках, раскатанных ребяtnей. Когда Наталья Прокопьевна вернулась домой, она то и дело вздыхала.

«Ба, что ты вздыхаешь?»

«Как тут не вздыхать! Если Дмитрий Петрович поmrёт, то и Аннушке, считай, конец! Уж как она его любит! Диву даюсь, сына своего Витю так не любит, как Митеньку. Прости меня, Господи!» — и она опять стала креститься и шептать слова молитвы.

Глава X. Разлука

Наталья Прокопьевна не зря беспокоилась за Аннушку и Митеньку. Дмитрий Петрович спустя несколько дней после того как приезжал к Аннушке — умер. О смерти Митеньки Аннушка узнала от бывших сослуживцев, уже после похорон.

— Да что же вы мне не сообщили! Как вы могли? Ведь вам-то известно было, что мы значили друг для друга! — кричала потрясённая Аннушка, и румянец на её щеках из алого превратился в бледно-сизый.

— Так ведь Валентина нам запретила! — услышала она в ответ.

— Нет у вас сердца! — рыдала Аннушка, — не дали с Митенькой проститься, знать вас больше не хочу!

— Анна Михайловна, ты не гневайся, не упрекай нас! Валентина просто не хотела скандала на похоронах...

— Столько лет со мной работали, знаете меня, и думали что я скандал затею! Вы не люди! Вы звери, нет, хуже зверей...

Узнав, где похоронили Дмитрия Петровича, Аннушка каждый день ездила на могилу. Там она расстёгивала свою старенькую шубейку, ложилась на могильный холмик и прижималась к нему всем телом. Так она лежала, надеясь замёрзнуть до смерти. Но на кладбище всегда находились добрые люди, они не проходили мимо, отрывали её от земли, отводили домой. Удивительно, но каждодневное лежание на промёрзлом могильном холмике не вызвало у Аннушки даже простуды. Тогда она решила уморить себя голодом.

Обеспокоенные подружки — Наталья Прокопьевна и Евдокия Евлампиевна решили поговорить с Аннушкой серьёзно. Они пришли в коммунальную квартиру, где в одной из комнатушек жила Аннушка. Одна из соседок по коммуналке, Прасковья Потаповна, перехватила их в коридоре и завела сначала в свою комнату, очень душную и пропахшую кошками, которых у неё было пятеро. Она согнала своих «мурок» с диванчика, предлагая гостям сесть на него, но те отказались, поскольку покрывало на диване было усеяно кошачьей шерстью.

— Напрасно вы брезгуете, кошечки у меня чистенькие, но если не хотите на диванчик, сядьте на табуреточки. На них, правда, не так удобно.

— Мы вообще-то не собираемся у вас рассиживаться, мы к Анне Михайловне пришли, — сказала Наталья Прокопьевна.

— Ой, миленькие мои, я ведь о ней с вами поговорить хочу!

Прасковья Потаповна протёрла табуреточки тряпкой. Сама она демонстративно села на диванчик и откинулась на спинку.

— Скажу вам, как её подружкам, по секрету: Анна Михайловна после смерти своего Митеньки — спятила. Ну как ещё назвать то, что она на его могилке вытворяет? Каждый божий день сердобольные люди её домой приводят чуть не силком.

Дуня, услышав это, ухмыльнулась.

— Адрес свой она им не забывает назвать, значит, соображалка ещё работает!

— Дуня, Дуня, ну как так можно! — Наталья Прокопьевна покачала головой.

— И ведь не ест ничего! — продолжала Прасковья Потаповна, — я предлагала её в больницу отправить, так другим соседям её жалко, говорят, что она не буйная, безвредная. Но это она сейчас безвредная, а что дальше будет, никто не знает!

— Так вы хотите, чтобы мы её в больницу отправили? — спросила Дуня.

— Нет, но вы могли бы её уговорить, чтобы она сама туда легла подлечиться.

— А вам какой в этом интерес? — спросила Наталья Прокопьевна.

— Интерес! Конечно, он есть! Пока бы Анну Михайловну лечили в больнице, в её комнате пожила бы моя племян-

ница, она из деревни ко мне приехала. Нам в моей комнате тесновато. Нет, вы не подумайте чего плохого, мы бы за квартиру по квитанции платили...

— Прасковья Потаповна, а почему вы с Анной Михайловной об этом сами не поговорите?

— Я пыталась. Но она ведь ненормальная. Говорит, что скоро помрёт, тогда, мол, и вселяйся кому не лень...

— Не хочу вас обидеть, Прасковья Потаповна, но вы женщина очень нечуткая! — вставая с табуреточки, сказала Наталья Прокопьевна.

Прасковья Потаповна, видно, недопоняла и с обидой в голосе ответила:

— Ну да, нечуткая, я же не собачонка! Мне собачья чуйка ни к чему, мне о племяшке позаботиться надо, а тут такой случай, грех не воспользоваться!

— Дуня, пошли отсюда, — Наталья Прокопьевна решительно направилась к двери.

— Ну, так вы с ней поговорите, я вас отблагодарю, если дело сладится, — вслед подругам выкрикнула Прасковья Потаповна.

Дверь в комнату Аннушки была не заперта, но Наталья Прокопьевна из вежливости тихонько постучала и подруги вошли. Аннушка сидела на стуле у окна, спиной к вошедшим, и раскачивалась из стороны в сторону, как маятник.

— Здравствуй, Аннушка! Мы тебя проведать пришли, — приторно сладким голосом сказала Евдокия Евлампиевна.

— Спасибо, что не забываете...

Аннушка сказала это равнодушным голосом, будто и не рада была приходу подруг. В комнате было чисто прибрано — ни пылинки, но эта чистота казалась холодной, а комната — нежилой. И хотя Аннушка находилась в комнате, ка-

залось, что её нет. Это ощущение пустоты остро ощущалось ещё и потому, что в комнате не было ничего лишнего, только самое необходимое: стол, два стула, односпальная металлическая кровать и платяной шкаф с зеркалом. Наталья Прокопьевна обняла Аннушку, поцеловала, но та не отозвалась на ласку подруги.

— Ты хоть кушала сегодня? — с тревогой в голосе спросила Наталья Прокопьевна.

— Мне это ни к чему, — ответила Аннушка, — чем быстрее помру, тем скорее встречу на небесах с Митенькой!

Услышав такое, подруги напомнили ей, что самоубийство великий грех. А она всё твердила:

— Я в своей жизни так много грешила, что теперь мне всё равно: одним грехом больше, одним грехом меньше, разницы никакой!

— Что же ты творишь! — укоряла Наталья Прокопьевна Аннушку, — Ты ведь знаешь, что надо пойдти в церковь, покаяться...

— Отстаньте от меня. Зачем мне было на белый свет рождаться, если всё, что мило сердцу — грех. Любовь земная — грех, даже рождение сыночка единственного и то для меня, бывшей монашки — грех!

Евдокия Евлампиевна слушала, слушала, а потом без всякого сочувствия к горю Аннушки, насмешливо сказала:

— Да ты погляди на неё Наташа, она ведь нас всех переживёт! Говорит, что голодает, а у самой щёки как алые яблочки. Ничего с ней не случится, попустится, ещё крепче будет.

— Дуня, ты хоть думай, что говоришь, — одёрнула её Наталья Прокопьевна, — пойдти лучше на кухню, поставь чайник кипятиться, а я стол накрою.

Она нарезала батон, сыр, копчёную колбаску, лимон. Пирожки с повидлом, испечённые утром Натальей Прокопьевной специально для Аннушки, источали сладкий запах ванили, которую она всегда добавляла в тесто. Аппетитные запахи щекотали обоняние, под ложечкой у Аннушки засосало, и она сдалась, согласилась поесть.

Глава XI. Прощание

На другой день, едва Ленка пришла из школы, бабушка ей сказала:

— Вот что, Лена, собирайся, пойдём с тобой на почту, телеграмму дадим в Севастополь, сыну Аннушки. Я не шибко грамотная, мои закорючки только ты да твоя мама разбирает, а ты пишешь аккуратно, бланк заполнишь. Пусть приезжает сынок, Аннушке совсем плохо.

Вместо Виктора приехала его жена — Татьяна. Увидев свекровь, она прослезилась. Татьяна раньше никогда не видела Аннушку такой подавленной и ко всему безучастной. В былые времена, когда Аннушка приезжала к ним в Севастополь летом, она была (на зависть своим сверстницам) молодой, нарядной и весёлой. Теперь она вызывала своим видом только жалость. «Надо же, какая любовь! — подумала Татьяна, — она даже помереть хочет, без Митеньки ей жизни нет! А ведь мы с Виктором её осуждали, считали, что в её возрасте любовь это — блажь!»

Татьяна окружила свекровь вниманием: варила борщи с пампушками, лепила варенички, пекла пироги, ходила с Ан-

нушкой на могилку к Митеньке и всё уговаривала переехать к ним в Севастополь насовсем. Аннушка долго раздумывала, а потом сказала Татьяне:

— Так и быть, поеду к вам погостить, а там видно будет...

В коммуналке всё быстро становится известным, скоро уже все знали, что Аннушка надолго уезжает к сыну. Прасковья Потаповна, зазвав Татьяну к себе в комнату, осторожно заговорила о прописке племянницы в комнату Аннушки. Та сверкнула на неё своими большими чёрными глазами. Прасковье Потаповне даже показалось, что из них искры посыпались. «Ну и баба! Глазищи как у ведьмы, да и волосы чернявые, не из цыганей ли? — подумала она». А Татьяна проверила, плотно ли закрыта дверь комнаты и негромко завела деловой разговор. Она уже давно решила, что увезёт свекровь отсюда навсегда, но пока пусть лучше Аннушка об этом не знает. Комнату в коммуналке всё равно придётся сдавать государству, а тут подвернулась возможность негласно продать её соседке. Женщины стали торговаться. После долгих споров договорились о цене. Татьяна продала комнату вместе со всей обстановкой. Осталось только прописать у Аннушки в комнате чужую племянницу, выдавая её в ЖЭКе за свою родственницу. Чтобы свекровь не возражала, Татьяна даже придумала причину, почему это необходимо: мол, чтобы в её отсутствие квартирантка оплачивала коммунальные услуги. Хотя выглядело это не убедительно для здравомыслящего человека, но Татьяна надеялась, что в теперешнем «пришибленном» состоянии свекровь на всё согласится. Понимала ли Аннушка, что её обманывают или нет, этого уже никто не узнает. Она отстранилась от всех земных забот, жила воспоминаниями о своём Митеньке и порою пугала Та-

тьяну, когда начинала вслух разговаривать с ним будто он рядом. Та понимала, что надо бы положить свекровь в больницу, но тогда придётся задержаться в Сурске на неопределённое время, а Татьяне пора уже возвращаться домой. «Отвезу её в Севастополь, там и положим в больницу, — успокаивала она свою совесть, которая порою всё же мучила её, — ведь, в конце концов, я всё делаю для блага свекрови!»

Наконец, все дела с пропиской племянницы Прасковьи Потаповны в комнату Аннушки были улажены, вещи сложены в чемоданы, билеты на поезд куплены. На вокзал проводить Аннушку пришли её лучшие подруги — Дуня и Наташа. За Натальей Прокопьевной увязалась и Ленка. Подруги не знали, что Татьяна увозит Аннушку навсегда.

— Погостишь в Севастополе, на внуков посмотришь, морским воздухом подышишь, — говорила Наталья Прокопьевна, — порадуешься на них, и печаль как рукой снимет!

Аннушка кивала головой, а в глазах её стояли слёзы. Евдокия Евлампиевна вдруг почувствовала невыносимую тоску и не к месту ляпнула:

— Ань, подари мне на память твою лисью шапку!

Аннушка потянулась было к шапке руками, чтобы снять, но тут вмешалась Татьяна. Она демонстративно надвинула шапку Аннушке до самых глаз, и сказала Дуне:

— Подруга называется! Последнее содрать готова! — Дуня, как рыба, вытащенная из воды, стала беззвучно хватать губами воздух.

— Что? Сказать нечего? — не унималась Татьяна.

— Танечка, она ведь не со зла, — вступилась за Дуню Наталья Прокопьевна, — она просто расстроена отъездом Анны Михайловны, вот и слетело с языка. Показалось ей, что больше мы нашу Аннушку не увидим...

Татьяна покраснела и отвернулась, а Наталья Прокопьевна, обращаясь уже к Аннушке, спросила:

— Ты ведь не навсегда уезжаешь?

— Не навсегда, — ответила Аннушка, — а пока я не вернусь, вы уж за могилкой Митеньки присмотрите, на Вальку никакой надежды нет!

Подруги переглянулись, кроме жены Валентины у Митеньки было двое взрослых детей. Уж они-то присмотрят за отцовской могилкой! Но вслух они этого говорить не стали, обещали Аннушке выполнить её просьбу. Настала минута прощания. Аннушка по очереди обняла и расцеловала подружек. Ленку она тоже обняла, поцеловала в щёку, а на ушко шепнула:

— Леночка, люби свою маму, переезжай к ней, там твоё место. А когда мама состарится, не бросай её!

Ленка, озадаченная словами Аннушки, зажмурилась, вдохнула запах «Красной Москвы» — любимых духов Аннушки и поцеловала её в алую щёчку, которая ещё ярче разгорелась на морозе.

Поезд, постепенно набирая ход, увозил Аннушку в солнечный Крым, а её подруги крестили его, пока он не скрылся из виду. Наталья Прокопьевна позвала Дуню к себе обедать. Сели за стол втроём. Ленке бабушка строго наказала во «взрослые» разговоры не вступать. Перед обедом подруги выпили по рюмочке вишнёвой наливки за Аннушку.

— Сознайся, Дуня, не хватает нам её за нашим столом! — сказала Наталья Прокопьевна.

— Да-да! — поддакнула Дуня.

Когда стали пить чай, она, как всегда, потихоньку таскала со стола конфеты-подушечки, набивая ими карманы своей кофты. Наталья Прокопьевна делала вид, что не видит этого.

Ленка ёрзала на стуле, негодуя на проделки Дуни, но не смела сделать ей замечание, ведь бабушка запретила!

— Вот помяни моё слово, – говорила Дуня, прихлёбывая заваренный с мятой чай, — в Севастополе Анька быстро оклемается и найдёт себе какого-нибудь отставного военного, вдовца!

— Дай-то бог! — Наталья Прокопьевна перекрестилась.

— А вот скажи мне, Наташа, что бы Анька делала, если бы у неё не было сына Виктора? Так бы и ходила каждый день на кладбище к своему Митеньке, нарвалась бы там на хулиганов, и проломили бы они ей башку из-за лисьей шапки!

— Типун тебе на язык, Дуня!

— А скорее всего, если бы Танька за ней не приехала, соседи по коммуналке сдали бы Аньку в дурдом, и показывала бы она дули воробьям до самой смерти!

— Да что же это такое! Тебя что ли черти сегодня за язык дёргают? Сказано в писании: «Не суди ближнего...»

— Да разве я сужу? Я, может, разобраться хочу: за что такой плохой матери как Анька, такой хороший сын богом дан?

— Это не наших умов дело. Бог дал — значит, есть за что!

— И всё-то ты божьим промыслом объясняешь. А как ты объяснишь, что грешная бывшая монашка твою внучку поучает, как жить? Тоже с божьего соизволения? — зло сказала Дуня.

— Деточка, — Дуня повернулась к Ленке, — а что Анна Михайловна тебе на ушко шептала?

— Я не расслышала, на вокзале шумно было, — соврала Ленка.

Дуня, поджав губы, изобразила обиду на лице.

— Так вот, Леночка, что бы тебе Анна Михайловна не нашептала, не верь ей. Она свою жизнь построить правильно не смогла, а туда же — советовать!

— Вам-то какое дело! — воскликнула Ленка, заёрзав на стуле.

— А такое дело, Леночка, что бабушка твоя — моя лучшая подруга и я об её благе пекусь! Она тебя растила, лелеяла... Ты должна, когда бабушка немощной станет, за ней ухаживать, а не за мамкой, которая тебя бросила!

— Врёте вы, она меня не бросила, — у Ленки слёзы брызнули из глаз, а руки сами сжались в кулачки.

— Да что же за день такой? — нахмурилась Наталья Прокопьевна, — сошлись старый да малый, у обоих ума нет! — и, обращаясь к Ленке, она спросила:

— Лена, разве я учила тебя грубить старшим?

— А чего она...

— Так, ты кончила кушать? — Ленка кивнула головой. — Иди на улицу, погуляй. Сегодня хорошая погода, нечего старушечьи разговоры слушать!

Глава XII. Возвращение

Это утро выдалось сказочно красивым, ветви деревьев за ночь покрылись пушистым инеем. Ленка вышла за ворота и остановилась, поражённая необычным зрелищем. Солнечные лучи преломлялись в кристалликах инея на деревьях и проводах, всё вокруг сияло разноцветными мелкими ис-

корками. Переливался разноцветными огоньками также и снег на земле, на крышах домов и сараев. Сияния снега не было только в тени, а сами тени казались Ленке почему-то прозрачно-голубыми. Ей почудилось, что воздух звенит на очень высокой ноте, такой высокой, что по телу пробежали «мурашки». В такое прекрасное утро ей хотелось взять санки и побежать кататься с горки, но пора было идти в школу, и она побежала вприпрыжку по заснеженной улице, кружась и размахивая портфелем.

А Наталья Прокопьевна в это время хлопотала у печи, она пекла блины. Хотя Масленицу при советской власти не считали праздником, пожилые люди по старой памяти пекли в эти дни блины. По радио громко играла музыка, поэтому она не сразу услышала настойчивый стук во входную дверь. «Кого это принесло с утра пораньше? — подумала она».

Отставив в сторону сковороду, поспешила к входу. На пороге стоял зять Юрий.

Наталья Прокопьевна охнула, обняла зятя и трижды облобызала в щёки. Зять тещу целовать не стал, только приобнял за плечи. Они вошли в дом.

— Ой, Юрик! Что же ты без предупреждения? Я бы курочку зарезала!

— Да вы не беспокойтесь, мама!

— Сейчас на стол накрою, позавтракаешь. — суетилась Прокопьевна.

Когда они уселись за стол и выпили по стопочке за встречу, Юрий сказал:

— Я за Леной приехал! Заберу её к нам.

— Как же так, посреди учебного года? Пусть бы закончила учебу, а летом бы и забрали...

— Нет, надо ехать сейчас. Нам квартиру дают четырёхкомнатную, но знаете, какие люди завистливые! Анонимку написали, что Лена с нами не живёт. Надо её привезти, чтобы видели.

— Да ведь она, может, и не захочет ехать! — воскликнула Наталья Прокопьевна.

— Надо уговорить. Надя вот и письмо ей написала, а я привёз. Неужели матери откажет?

— А как же потом? Вдруг опять не уживётесь?

— Надо квартиру получить, а потом как-нибудь разберёмся! — ответил Юрий, окуная блин в сметану.

Он ел блин так спокойно, с таким достоинством и уверенностью, будто он хозяин в этой избушке, а не Наталья Прокопьевна, и на её глаза навернулись слёзы.

— Вы там хоть при ней не проболтайте, для чего привезли! — и она заплакала.

— Ну, зачем вы так, мама? Мы же всё понимаем, будьте спокойны!

Через два дня Ленка вместе с отчимом ехала в поезде к маме. Колёса поезда ритмично стучали, а она, лёжа на верхней полке, смотрела в окно, за которым мелькали заснеженные поля, леса, станции и полустанки. Бабушка Наташа, когда провожала, сказала:

— Ты, внученька, держись за мамку и за дядю Юрика, он теперь тебе вместо отца. Зови его папой, тебе же лучше будет. Они оба грамотные, помогут тебе выучиться, а я всего-то полгода в школу ходила, потому и пишу как курица лапой. А ко мне на каникулы каждое лето приезжать будешь...

РАССКАЗЫ

Остановка в Тифлисе*

(Страницы из потерянного дневника Печорина)

Дорожная коляска стучала колёсами по кремнистой Военно-грузинской дороге. Колокольчик мерно позвякивал под дугою в такт её движению. Моя встреча с Максимом Максимычем во владикавказской гостинице всколыхнула в душе воспоминания о совместной службе в крепости, но я усилием воли отогнал тени прошлого. «Всякому своя дорога...» — подумал я и устремил свой взор на бесснежную скалистую плоскую вершину Столовой горы, вид которой открывался при выезде из Владикавказа. Над нею клубились белые облака, закрывая собою заснеженные вершины Казбека и двуглавого Эльбруса. Терек, вырываясь из теснины между гор в долину, бурлил и волочил по своему дну булыжник и гальку. Слушая монотонный шум воды и грохот камней, мне пришло на ум, что все эти резкие звуки — песня дикой кавказской природы, которую она сегодня поёт для моей грешной души. Смотреть на красоты гор вовсе не хотелось, я уже не раз ездил этой дорогой: Ларс, Дарьяльское ущелье, селение Казбеги у подножия горы Казбек, пост Коби, переезд через Крестовую гору, на которой установлен гранитный крест; а дальше — уже Грузия: Кайшаурская долина с её садами и речкой Арагвой, извивающейся, как серебристая лента меж живописных берегов.

---

*Этот рассказ был написан автором для семинарских занятий секции «Проза» литературной студии при РРО СП России на заданную руководителем (А.Г. Береговым) тему: «Путешествие Печорина в Персию после выхода в отставку».

Переехав Куру близ селения Гарцискала по древнему мосту, памятнику римских походов, моя коляска направилась к Тифлису. Этот город раскинулся на берегах реки Куры, в долине, окружённой каменистыми горами. Они укрывают его со всех сторон от ветров, поэтому неподвижный воздух сильно нагревается на солнце и от этого в Тифлисе становится нестерпимо жарко. Недаром название города, — Тифлис («Тбилис-калак») значит «Жаркий город». Большая часть города застроена низкими домиками с плоскими крышами. По узким кривым улицам неспешно шествуют ослы с перекидными корзинами. Азиатские громоздкие арбы, запряжённые волами, то и дело перегораживали дорогу моей коляске, которая следовала к дому для проезжих господ, который по уверению одного моего знакомого офицера был свободен от клопов и тараканов, имеющих обыкновение обитать в подобных заведениях. Оставив лакея обустриваться в новом жилье, я отправился первым делом в баню. На улицах города было многолюдно: армяне, грузины, черкесы, персияне, кто только не мелькал в пёстрой толпе! То здесь, то там можно было видеть молодых русских чиновников, которые разъезжали по улицам по казённой надобности на карабахских жеребцах. В Тифлисе большую часть населения составляют армяне, за ними по численности следуют грузины, а русские не считают себя здешними жителями. Военные, повинясь долгу, живут в Грузии потому, что им так велено. А молодые штатские — титулярные советники, приезжают сюда за вожделенным ассессорским чином. Те и другие смотрят на Грузию, как на изгнание.

В помещении бани, где горячий железосерный источник лился в глубокую ванну, высеченную в скале, я услышал вдруг знакомый голос:

— Ба! Кого я вижу!

Я оглянулся и узнал в распаренном и красном (как варёный рак) господине своего старого знакомца — Романа Дорохова. Он попал на Кавказ не по своей воле. Возраст его приближался уже к сорока годам, а он до сих пор всё оставался поручиком. Его товарищи-одногодки были уже в больших чинах, и сам он не отстал бы от них, если б в разное время не подвергался несколько раз разжалованию в рядовые. Молодость его прошла в постоянных бурях, шалостях и невзгодах. Дорохов был влюбчив. Бывая у своих знакомых, он часто влюблялся в молодых девиц и, поверяя свои сердечные тайны товарищам, всегда называл предмет своей страсти богинею. Внешность он имел такую, которая нравится женщинам. Он был статный, с хорошо развитой мускулатурой, с приятными чертами лица, карими глазами, тёмными волосами и смоляными усами. Дорохов недурно играл на гитаре и пел барышням романсы, а в кругу товарищей — французские шансонетки и неприличные куплеты.

Познакомились мы с ним в одной из экспедиций по усмирению диких горцев. Тогда мы чуть не погибли. Нас спасла от участи быть изрубленными только неожиданно подошедшая подмога.

Картина, представшая перед моими глазами в бане, впечатлила меня. Юркий, жилистый банщик-татарин сутился вокруг Романа. Сначала Дорохов лежал на каменном полу, на спине. Банщик «ломал» и вытягивал мышцы и суставы, бил по ним сильно кулаком, тёр шерстяной рукавицей и, сплеснув водой, водил по телу намыленным полотняным пузырьрём. Потом велел лечь на живот, вскочил на спину Дорохова, «поплясал» по ней, а затем заскользил подошвами своих ног по его икрам и бёдрам. Дорохов только охал и временами выкрикивал:

— Эх, хорошо!

Мой банщик тоже велел мне лечь на пол и приступил к делу. Процедура мытья закончилась купанием в каменной ванне. Боли от битья кулаком и «ломки» мышц и суставов я не ощутил, зато почувствовал небывалое облегчение и блаженство.

После бани мы с Дороховым пошли в трактир отметить встречу. По дороге я рассказал ему, что в Тифлисе проездом, что собираюсь ехать в Персию.

— Так ты теперь вольная птица, поздравляю! А я сейчас в отпуске и, признаться, тоже думаю об отставке. Только есть один вопрос — чем жить в отставке? Имение своё я давно проиграл в карты, а служить чиновником — не по нутру!

— От этой беды есть средство, — надо выгодно жениться! — дал я ему совет, старый и мудрый.

— Я думал об этом, но у меня ведь слава игрока и буяна! Кто ж за меня богатую благородную девицу отдаст!

— А ты посватайся к купчихе! — сказал я ему и тут же осёкся, вспомнив горячий нрав Дорохова. Вдруг для него оскорбительна женитьба на купчихе? Но Дорохов, вопреки моему ожиданию не взбесился от подобного совета, а засмеялся. Он стукнул кулаком по столу (от чего заколыхалось вино в наших стаканах) и воскликнул:

— Ты попал в самую точку! Только не я к купчихе на медни сватался, а она ко мне!

— Как это? — воскликнул я, заинтересованный таким поворотом событий.

— Представь, сидел я примерно месяц назад дома с головной болью и в расстроенных чувствах после бурной ночи, проведённой у майора Шаликова за картами, где я проигрался. Наутро надо было бы опохмелиться, но ден-

щик Андриюшка, посланный за вином в лавку, вернулся ни с чем, — лавочник отказался дать вино в долг. Я рассвирепел, выгнал денщика вон и велел без вина не возвращаться. Но не прошло и пяти минут, как тот явился на пороге с известием, что меня спрашивает какая-то дама. Следом за ним, не дожидаясь, когда её пригласят войти, в комнату стремительно ввалилась очень пышная чернявая пожилая женщина. Над верхней губой у неё рос тёмный пушок, как у юноши-гимназиста старших классов. Одета она была в очень пёстрое платье, на плечах красовалась лиловая шаль с жёлтыми розами. Оказалось, что это сваха! Звали её Сусанна, но сама она называла себя на армянский манер — Шушан. Она стала уговаривать меня вступить в брак с молодой богатой вдовой.

«Всё есть у вдовы, — говорила она, — и деньги, и дом большой, дворец, а не дом! Лавки с товаром есть, только мужа нет, а хочет Офелия Манукян в мужья непременно офицера!»

— Весьма польщён, — вежливо ответил я, а потом спросил: «Знает ли уважаемая Офелия, что нет у меня состояния, что я гол, как сокол?»

«Знает, знает! — закивала головой Шушан, — вот подарок тебе шлёт!»

Она достала из-за пазухи носовой платочек, в который было что-то завёрнуто, и медленно развернула. Там лежал мой фамильный золотой перстень, который я заложил у ростовщика, а выкупить денег не нашлось.

— Эта Офелия следит за мной что ли? — воскликнул я в бешенстве.

«Нет, сама не следит, мальчик за тобой давно ходит, всё о тебе знает!» — мне стало не по себе! Они меня выслеживали, как дичь!

— Мне надо увидиться с Офелией! — сказал я свахе.

Шушан обещала устроить это дело. Хотя у Офелии был собственный дом, овдовев, она жила в доме своего старшего брата Саркиса. Он считал, что молодой вдове неприлично жить одной.

— Наша с ней встреча состоялась в дальнем углу сада при доме Саркиса. Шушан по случаю тайного свидания надела тёмное платье, а голову закутала в чёрный платок. Мне она велела переодеться в одежду уличного торговца — кинто, которую передала заранее через мальчишку-посыльного. У калитки сада меня и сваху уже ждала служанка. Она провела нас мимо зарослей сирени к скамье, на которой сидели совсем юная девушка лет шестнадцати и женщина лет тридцати пяти. Завидев нас, обе они встали со скамьи, и я отметил, что они почти одного роста и походят друг на друга стройной фигурой, но та, что постарше — брюнетка, а совсем юная — блондинка. Офелией оказалась брюнетка, а светловолосая девушка была её племянницей, звали её Сона. Едва только я увидел Сону, сердце в груди тревожно забилося, и я забыл, что пришёл сюда ради встречи с Офелией. Нежные черты лица Соны, чуть вздёрнутый носик, светлые волосы и голубые глаза делали её похожей на золотых ангелочков, чьи изображения украшают стены церквей. Сваха прошептала что-то на ухо девушке, и они ушли, оставив меня с Офелией. Поблагодарив её за выкупленный у ростовщика перстень, я долго и запутанно пытался объяснить ей невозможность нашего брака. Ведь, скорее всего, её родня будет против, к тому же, сословные предрассудки не дадут ей вполне насладиться положением жены дворянина, а самое главное, нет у меня к ней любви, хотя она дама достойная и прекрасная собою. Ожидал я, что Офелия начнёт плакать, но она не заплакала, попросила только, чтобы я ещё раз подумал над её предложением.

На другой день опять явилась ко мне сваха. С нею был шустрый черноглазый мальчишка. Шушан, игриво поглядывая на меня, сказала, что мне сильно повезло, я понравился не только Офелии, но и Соне, а она — богатая наследница. Девушка давно просватана за богатого торговца, но он стар, а она, едва вчера увидела меня, как тут же полюбила всем сердцем. Голова моя закружилась от этих слов, а Шушан подтолкнула ко мне мальчишку и сказала: «Этот мальчик будет носить записки!»

— Так неожиданно началась наша переписка. Отец не поспешил на её образование. Записки Сона писала по-французски, почерк у неё изящный. Видел я её редко, в основном, когда она вместе с семьёй шла на воскресную службу в армянскую церковь. Она робко отводила глаза в сторону, если наши взгляды встречались. Офелия, которая неизменно шла с нею рядом, приветливо улыбалась, словно давала понять, что не держит на меня зла.

Теперь я уговариваю Сону тайно обвенчаться, а потом упасть в ноги к её папаше, чтобы простил нас. Я нарочно привёл тебя в этот трактир, потому что должен скоро прийти сюда мальчишка с запиской от неё.

— А вдруг Саркис не простит дочь и лишит её наследства, что тогда?

— Мне уже всё равно, — ответил Дорохов, — лишь бы она была со мною.

Мне стало жаль его. Влюбчивая натура Дорохова сыграла с ним злую шутку.

Мы уже собрались уходить из трактира, как откуда ни возьмись, появился мальчишка и сунул Дорохову в руку записку. Глаза у Романа засверкали, на лице заиграла торжествующая улыбка. Он развернул послание, пробежал по строчкам глазами и воскликнул:

— Наконец-то она решилась! Печорин, ты оказался в Тифлисе очень кстати. Будешь свидетелем на моём венчании!

Любовная история Дорохова показалась мне занятной, и я согласился участвовать в аванюре. На другой день, едва только почтенный Саркис отправился в свою лавку, Сона прислала записку, что будет ждать Дорохова в саду, у дальней калитки. Мы с Дороховым переоделись в одежды кинто (купленные на рынке накануне), засунув за пояс на всякий случай заряженные пистолеты, наняли закрытую коляску и отправились за Соной. Коляску оставили за два квартала от дома Саркиса, наказав возчику ждать нас, а сами пошли пешком. Мы шли, молча, чтобы ненароком не выдать себя. Навстречу нам попалась пустая арба, которую тащили два вола. Погонщик напевал что-то себе под нос, на нас он не обратил внимания. «Пустая арба — плохая примета, — подумал я». Наверное, Дорохову пришлось на ум то же самое, мы переглянулись и ускорили свои шаги. Когда до места встречи оставалось совсем недалеко, приоткрылась калитка у дома на противоположной стороне улицы. Из неё выглянула тощая горбоносая старуха, она поманила нас рукой и призывно закричала:

— Эй, кинто!

Мы прибавили шагу, а старуха сердито кричала нам вслед что-то, не то по-грузински, не то по-армянски, мы с Дороховым, разумеется, ни слова не поняли. Подойдя к калитке сада почтенного Саркиса, Дорохов постучал три раза. Мы услышали, как с той стороны отодвигают засов. Потом калитка приоткрылась, из-за неё выглянула Шушан, оглядела нас, оглядела улицу и спросила:

— Где коляска?

Узнав, что коляска стоит за два квартала отсюда, сваха рассердилась. Она боялась, что пока господа дойдут до коля-

ски кто-нибудь из соседей увидит. Она настаивала подогнать коляску прямо к калитке. Но Дорохов возразил, что экипаж больше привлечёт внимание, чем два кинто с девушкой.

— Пусть Сона наденет платье служанки, а лицо спрячет под платком, — сказал он свахе.

Шушан кивнула головой, калитка захлопнулась, засов звякнул, и послышались удалявшиеся шаги свахи. Дорохов занервничал, он негодовал, что Шушан сразу не передела Сону в платье прислуги:

— Что с неё взять, дура дурой! Тут каждая минута дорога, а она...

Наконец, калитка открылась, Сона выскользнула на улицу, за нею протиснулась в калитку дородная Шушан. Сона закутала своё лицо в платок так, что его нельзя было разглядеть. Шушан перекрестила Сону и махнула рукой — мол, идите. И мы пошли, Дорохов и Сона впереди, а я позади них. Едва мы поравнялись с той калиткой, из которой давеча выглядывала старуха, как из неё выбежали два рослых парня с дубинами в руках. Оттолкнув в сторону Сону, они напали на нас с Дороховым. Старуха злобно смеялась. Сона не удержалась на ногах и упала, платок сполз с её лица, и моему взору предстала вовсе не голубоглазая блондинка! Я увидел черноокую восточную красавицу, которая вскрикнув, вновь закутала лицо платком и побежала к своей калитке. Шушан, ещё не успевшая зайти в сад, схватила девушку в охапку и втолкнула в калитку, потом и сама последовала за ней. Наблюдая за девушкой, я еле успел увернуться от удара по голове, но всё же дубина вскольз задела меня и я упал, обливаясь кровью. Тот, что ударил меня, посчитал, что я уже не поднимусь и побежал к своему напарнику добивать Дорохова, который уже лежал на земле, ухватившись обеими руками за дубину нападавшего и пытаясь её отобрать, но тут подбежал

второй. Вдвоём они били Дорохова ногами и дубинами. «Забьют ведь насмерть», — подумал я и выхватил из-за пояса пистолет. Не целясь, я выстрелил в того, что был ближе. Он упал, как подкошенный, а второй, бросив дубину, кинулся к калитке. Дорохов в порыве ярости тоже выхватил из-за пояса пистолет и пристрелил второго слугу, а заодно и старуху, которая пронзительно визжала. Роман помог мне подняться и мы, опираясь друг на друга, постарались быстрее покинуть поле боя. Извозчик, увидев нас в крови, хотел было удрать, но два пистолета, направленные на него, заставили его передумать. Пришлось заплатить ему сверх оговорённой цены за проезд ещё и немалую цену за молчание. Когда наша коляска тронулась с места, со стороны дома Саркиса уже доносились выстрелы, там уже поднялась суматоха. Хорошо, что коляска была закрытая и по дороге домой нас никто не видел. Дорохов всё сокрушался, что зловредная старуха сорвала венчание.

— Ну, зачем, зачем она натравила на нас своих слуг? — всё повторял он.

— Скорее всего, — сказал я, — она приняла нас за настоящих кинто. Она хотела посмотреть наш товар, а мы прошли мимо. Вот она и решила проучить нас.

— Надо было послушать Шушан и подогнать коляску к самой калитке, — сказал Дорохов, — теперь отец запрѣт Сону на замок, о побеге нечего и думать. Мне придётся вернуться в крепость и чем быстрее, тем лучше, пока никто про меня не разнюхал. Да и тебе, Печорин лучше уехать из города.

Я понял, что Дорохов не видел, как платок упал с лица девушки. Хотел было сказать ему, но потом передумал.

На другой день я проводил Дорохова в крепость. Сначала я хотел задержаться в Тифлисе, пока моя рана на голове не затянется, но, читая местные газеты, я узнал, что от рук двух

кинто, вооружённых пистолетами, погибли госпожа Каспарян и двое её слуг. Их жертвой чуть было не стала госпожа Шушан Петросян, которой повезло спастись от убийц. Разумеется, преступников искала полиция. Я решил, что и мне пора уезжать. Когда дорожная коляска стояла уже во дворе, и мой лакей выносил последние чемоданы из съёмной квартиры, знакомый мне мальчик, что носил записки Дорохову от Соны, принёс и мне послание. Оно было от Офелии. В нём она спрашивала меня, увидел ли Дорохов, что вместо Соны была она и призналась, что её юная племянница не писала Дорохову записок и не помышляла тайно венчаться, что скоро девушку выдадут замуж, она давно просватана. Офелия же надеялась в будущем завоевать сердце Дорохова, потому и просила меня молчать о том, что я видел. Я написал ей, что буду нем, как рыба.

Выехав за пределы города, и кинув прощальный взгляд на него, я подумал: «Прощай, Тифлис! Жаль, что Дорохов влюбился в Сону, а не в Офелию! Она больше подходит ему по темпераменту. Оба смелы, оба авантюристы! Но какова Офелия! Ведь она всё рассчитала, всё продумала и отважно исполнила задуманное. Вот тебе и забитая женщина Востока!»!

Вокруг меня земля была опалена зноем. Грузинские деревни издали казались мне прекрасными садами, но подъезжая к ним, видел я бедные жилища и пыльные пирамидальные тополя. В тридцати верстах от Тифлиса местные жители уже не знали ни слова по-русски. Впереди была долгая дорога в страну моей мечты — Персию.

Безотцовщина

Сегодня небо хмурилось, затянутое плотными снеговыми облаками, вот-вот снег повалит. Бревенчатый домик Дарьи Ильиничны стоял на самом краю деревни, за огородом уже начинался лес. Десятилетний рыжий и курносый Витька, внук Дарьи Ильиничны, и четырёхлетняя Валюшка, внучка её подруги, взяв санки, вышли за ворота на прогулку. Перед прогулкой бабушка наставляла Витьку:

— Внучек, Валечка у нас в гостях, ты уж присмотри за ней, мне ведь некогда, дел полно! Смотри зорко! Она городская, к деревне непривычная, не дай Бог, беда какая случится!

Витьке роль няньки не нравилась, но возражать бабушке он не посмел, повёл гостью на прогулку. В это время по заснеженной деревенской улице мимо их дома медленно ехал грузовик, а за ним толпой бежали ребяташки. Они кричали:

— Ёлка, ёлка! В город везут!

Вокруг деревни шумели хвойные леса, везли ёлку откуда-то из дальней чащи через всю деревню к трассе. Она лежала в кузове грузовика и была очень большая.

Задний борт был опущен, и верхушка дерева свободно свисала, выходя далеко за габариты кузова. Мальчишки по очереди цеплялись за еловые лапы и скользили на ногах по раскатанной дороге.

Когда Витька увидел своих приятелей за таким весёлым занятием, то не удержался от соблазна, метнулся к грузовику с ёлкой, схватился за еловую лапу и заскользил по дороге, забыв начисто и про Валюшку, и про обещание, данное бабушке.

— Витя! Возьми меня с собой! — закричала ему вслед городская гостья, но он не услышал её.

Тогда она побежала вслед за грузовиком. Из-за того, что Валя была самой младшей в этой весёлой ватаге ребятишек, бежать так же быстро, как они, она не могла. Расстояние между ней и грузовиком неуклонно увеличивалось. Скоро грузовик выехал за деревню и снова ехал по лесной дороге к трассе. Долго бежала Валюшка, запыхалась и остановилась, чтобы отдышаться, а грузовик и ватага ребятишек в это время уже скрылись за очередным поворотом. Вокруг — ни души. И сзади, и впереди, и справа, и слева — лес. Она испугалась и уже не знала, в какую сторону идти.

— Витя! — отчаянно закричала Валюшка.

Но он не откликнулся. Она ещё долго кричала и звала Витьку, но напрасно. А дорога была по-прежнему пустынной. Ни один автомобиль не проехал, ни один человек не прошёл по ней за то время, пока девочка звала Витьку. Вдруг в лесу раздался стук топора. Валюшке показалось, что топор стучит совсем недалеко от дороги. «Может, там есть кто-то из взрослых»? — подумала она.

От дороги в лес была протоптана в снегу узкая тропинка, она вела в ту сторону, откуда раздавался стук топора, и девочка пошла по ней. На мягкой поверхности пушистого снега между деревьев лесное зверьё и птицы оставили свои следы, среди них были и волчьи. Если бы Валюшка разобралась в следах, то наверняка бы повернула обратно. Мохнатые сосны, росшие вдоль дороги, были невысокие, но чем дальше Валюшка уходила в лес, тем выше становились росшие там деревья. Тропинка вывела её к месту, где между сосен зияли своей чернотой на фоне белого снега две глубокие ямы. Между ними был узкий проход, и тропинка проходила как раз по нему. Девочка осторожно ступила на этот «мо-

стик» между ямами, расставила руки в стороны и, балансируя ими в воздухе, быстро перебежала на другую сторону. Она не смотрела вниз, на дно, боялась потерять равновесие. За ямами тропинка вскоре оборвалась. От неё в чащу вели глубокие большие следы человеческих ног. Валюшка старалась попадать след в след, но расстояния между следами были слишком большими, и между ними она часто увязала в глубоком снегу. Наконец, Валя увидела впереди (на небольшой полянке) крепенького дядьку. Он ловко отрубал ветки от ствола уже срубленного сухого дерева и складывал их в кучу. К Валюшке он стоял спиной. Бабушка Тома учила её, что со старшими надо здороваться первой.

— Здравствуй, дядя! — громко выкрикнула девочка.

От неожиданности он вздрогнул и повернулся к Валюшке лицом, в его голубых глазах застыло удивление:

— Мать честна! Да откуда же ты здесь взялась? Почему одна в лесу?

— Я потерялась! — и она рассказала, как бежала за машиной, звала Витю, а потом пошла в лес.

— Это какой Витя? Не внук ли Дарьи Ильиничны? — спросил мужичок. — Ты что, им родня?

— Меня баба Тома из города привезла к Дарье Ильиничне погостить, а сама обратно уехала.

— Зовут-то тебя как?

— Валя!

— А я дядя Петя! — сказал мужичок. — Застря ты в лес пошла, надо было Витьку на дороге ждать. Ребятишки ведь только до трассы прокотятся, опосля обратно по дороге пойдут. Но ты не бойсь, я тебя здесь не брошу, к Дарье Ильиничне доставлю!

Он засунул топор за пояс, подхватил на руки Валюшку и зашагал по своим же следам до тропинки, а по ней вы-

шел на дорогу. Начался снегопад, белые пушистые хлопья медленно опускались на землю. Валюшке хорошо было у него на руках, она чувствовала себя в безопасности. Скоро они уже были у дома Дарьи Ильиничны. Санки сиротливо стояли возле ворот там, где их бросила Валюшка. Дядя Петя поставил девочку на утопанный возле калитки снег и завёз санки во двор, ворча что-то себе под нос. Потом взял её за руку и повёл в дом.

Узнав, что Пётр нашёл Валюшку в лесу, за волчьими ямами, Дарья Ильинична схватилась руками за свою седую голову и только ахала да охала.

— А где же Витенька? — спохватилась она. — Не случилось ли чего? Может, надо пойти поискать?

— Пошто его искать, он у тебя уж большой, набегается и придёт! — успокоил Дарью Ильиничну Пётр.

И, правда, скоро пришёл Витька. Дарья Ильинична при Петре не стала его драть ремнём, только в сердцах укоряла внука:

— Ах, ты, дурья башка, фулиган, потерял дитё, неслух окаянный! Совести у тебя нет!

Потом Дарья Ильинична накрыла в зале стол и пригласила Петра пообедать с ними. Взрослые выпили по рюмочке за спасение Валюшки и её счастливую планиду. Пётр расхваливал «чистый как слеза» самогон, который гнала Дарья Ильинична, и весело подмигивал то Витьке, то Валюшке.

— Кто стишок прочтёт, тому — гостинец! — и он достал из кармана что-то, завернутое в бумажку, а когда её развернул, там оказался красный леденцовый петушок. Валюшка закричала:

— Я расскажу!

Тогда Пётр притащил из кухни табуретку, поставил на неё Валю, и она с выражением продекламировала:

— Идёт бычок, качается, вздыхает на ходу. Ой, доска кончается, сейчас я упаду!

Взрослые похвалили её, а Витька сидел чернее тучи. Он с горечью думал: «Меня, родного внука бабка ругает, а чужую девочку хвалит. Валюшка, Валюшка! И смышлёная она, и стишки наизусть знает, и курицу для неё зарезали! А меня только обзывает и ремнём стегает». И стало ему так обидно, хоть плачь! А Пётр принялся выпытывать у Валюшки, кем она станет, когда вырастет. Она ответила так, как бабушка Тома научила:

— Когда вырасту, выучусь на врача, буду людей лечить!

— Какая умничка! — похвалила девочку Дарья Ильинична, а Пётр, обращаясь к Витьке, спросил:

— Ну, а ты кем будешь?

— Алкашом буду! Напьюся водки, приду сюда и все окна вам побью! — сказал, и пулей выскочил из-за стола.

— Ох, Матерь Божья, дай мне терпение! — воскликнула Дарья Ильинична. — Что с него взять, безотцовщина! Был бы отец, он бы уму разуму научил. Вот, веришь ли, Петя, выпорю его ремнём, а потом сама плачу. Жалко ведь, не чужой!

— Давно бы отправила его к матери, в Москву. Пущай бы его воспитывала сама! — сказал Пётр.

— Да ведь Галя там по лимиту, в общежитии живёт, там Вите места нет. Да опять же, может, личную жизнь устроит.

— Вот кабы она за меня пошла, когда звал, горя бы не знала. За мной ведь, как за каменной стеной! Я бы и Витьке хорошим отцом был!

— Так ведь сердцу, Петя, не прикажешь! — вздохнув, ответила ему Дарья Ильинична.

Пока взрослые разговаривали, Валюшка тихонько вылезла из-за стола и побежала на кухню. Витька сидел возле печки и шмурыгал носом. Он отвернулся от девочки, не

хотел, чтобы она видела его слёзы. Вытерев лицо рукавом рубашки, он зло сказал:

— Безотцовщина! Пусть не врёт! Папка у меня есть, он лётчик. Вот приедет из командировки и заберёт меня с собой!

— А мой папа Боря тоже в командировке, — сказала Валюшка. — Только он не лётчик, а моряк.

— А мамка у тебя есть? — спросил Витька.

— Есть, она живёт в другом городе с дядей Колей...

Дуб

Алексей Владимирович купил эту картину на базаре давно, ещё в лихие 90-е годы. В тот воскресный декабрьский день небо было затянуто тучами. Картины продавала толстая молодая девица в лосинах леопардовой расцветки, в красно-зелёной куртке. На голове девушки вместо шапочки красовался кучерявый рыжий парик (а-ля Алла Пугачёва), лицо имело яркую «боевую раскраску». Продавщица дымила сигаретой. Сделав сначала затяжку, а потом выдохнув дым серым колечком, девушка зазывала покупателей низким хрипловатым голосом: «Картинки из Китая, цена небольшая!». Чуть помедлив, добавляла: «Налетай, торопись! Покупай живопись!» Среди толпы сразу раздавались смешки, все помнили это крылатое выражение из фильма «Операция Ы и другие приключения Шурика». На фоне картин, изображающих павлинов с их восхитительными хвостами, букетов роз в красивых вазах, хризантем, лотосов, пагод с загнутыми кверху краями крыш, желтоглазых тигров и низвергающихся с высоких скал водопадов, продавщица и сама казалась какой-то экзотической птицей. Народ валом валил поглазеть на китайские картины.

Торговля шла бойко. Алексей Владимирович вдруг тоже загорелся желанием купить себе китайскую «красотищу». Обычно такие покупки он обсуждал с женой, но тут его будто бес попутал. Он долго выбирал, но всё было не по душе, пока не наткнулся на картину, где был изображён могучий дуб. Это дерево показалось ему таким красивым! Оно росло на пригорке, цепляясь за землю узловатыми мощными корнями, которые выползли, словно змеи, из-под земли на

поверхность и причудливо переплелись между собой. Мимо дерева, огибая пригорок, вилась узкая тропинка. Она уходила в степь и терялась вдаль, а небо над дубом и степью алело ярким закатом. Продавщицу удивил его выбор. Она оглядела с ног до головы этого крепенького мужичка, лет сорока с небольшим, с короткой рыжеватой бородкой, одетого в чёрную куртку и серую вязаную спортивную шапочку. Девушка подумала: «Надо же, столько здесь экзотики, а этот тип на родной дуб запал! По Сеньке и шапка!» Но вслух она этого не сказала, ведь картину надо было продать!

Дома Алексей Владимирович повесил её на стену, напротив любимого диванчика. Сидя на нём, он часто любовался ею, представляя себе, что находится внутри изображения и стоит рядом с могучим дубом, слышит шелест его листьев, трепещущих от лёгкого дуновения ветерка, а из степи в это время доносятся пряные запахи цветов и трав. Стрекоз и кузнечики, а седые ковыли, колыхаясь волнами, касаются пушистыми головками земли. Ему было так хорошо здесь, под дубом, что не хотелось возвращаться в реальный мир.

Незаметно пролетели двадцать пять лет. Алексей Владимирович превратился в седенького старичка, его жена, Зоя Петровна тоже постарела. Дети, Игорь и Светлана давно уже создали свои семьи, жили отдельно, у них подрастали свои детишки. Жизнь стариков текла размеренно. Каждый день они ходили на прогулку в городской парк, дышали свежим воздухом. Но вот настал 2020 год, пандемия коронавируса, самоизоляция...

Теперь они вместо прогулок в парке вынуждены были сидеть дома. Зоя Петровна (за компанию с мужем) стала часто смотреть на картину с дубом. В отличие от Алексея Владимировича, она не пыталась представить себя внутри

картины, просто смотрела на неё, пока глаза не слипались. Женщина сначала впадала в сладкую дрему, а затем, сидя, засыпала. Однажды ей приснился удивительный сон: она и Алексей Владимирович ещё молодые, сыну Игорёчку шесть лет, а дочурке Светочке четыре года, и гуляют они летом в городском парке. Алексей Владимирович встретил кого-то из знакомых и остановился поговорить с ним, а к Зое Петровне вдруг подошёл пожилой мужчина в строгом чёрном костюме, в белоснежной рубашке, с чёрным галстуком в белую косую полоску. Зоя Петровна подумала: «Жара такая, а он в наглухо застёгнутом костюме! Неужели не жарко?» Она посмотрела ему в лицо. У незнакомца кожа была странного, чуть зеленоватого цвета. Зое Петровне стало не по себе. Мужчина тоже внимательно разглядывал её.

— А ты очень похожа на свою мать! Такие же русые волосы и серые глаза...

— Вы знали мою маму? — спросила Зоя Петровна.

— Знал, а ты меня не узнаёшь?

— Нет, — ответила Зоя Петровна, — я вас не знаю.

— Это понятно, ты была слишком маленькой, когда мы расстались с твоей матерью. Зоя, я твой отец и хочу пригласить тебя к себе в гости.

Родственники с детства внушали Зое, что её отец плохой человек, безответственный, не хотел платить алименты, его постоянно разыскивала по этому поводу милиция, а он прятался, часто менял место жительства.

Если бы такая встреча с «отцом» случилась наяву, то Зоя Петровна, скорее всего, не стала бы разговаривать с этим человеком, но во сне всё было по-другому.

— Я приду, но только с мужем. Вы не против этого? — спросила она.

— Согласен! — ответил «отец». — Приходите и ребяташек возьмите.

После этих слов он мгновенно исчез, а Зоя Петровна очутилась вместе со своим семейством на автотрассе. По обе стороны от дороги тянулись лесополосы, ни машин, ни людей. Казалось, что всё вокруг погружено в сумерки: солнце не светит, небо серое. Они долго шли по дороге и вдруг увидели впереди на бетонном постаменте щит. Такие щиты ставят обычно на въезде в населённый пункт. На нём было что-то написано, но вместо знакомых букв Зоя Петровна увидела какие-то знаки, похожие на китайские или японские иероглифы.

Семейство продолжило путь. Скоро показались первые домики большого города. Постепенно двигаясь в центр, семья Зои Петровны стала замечать, что на окраине ютились одноэтажные строения, а дальше пошли уже дома со стенами из зеркальных стёкол, настоящие небоскрёбы. На стенах домов были вывески, написанные такими же непонятными знаками, как на щите при въезде в город. Вдруг из высоких парадных дверей красивого четырёхэтажного здания с колоннами выглянул отец и поманил рукой, мол, идите сюда. Они вошли в просторный вестибюль. Перед широкой мраморной лестницей, в застеклённой каморке сидела толстая девица с кучерявой копной рыжих волос, взбитых как у Аллы Пугачёвой, одетая в белый свадебный наряд, с яркой «боевой раскраской» на лице. Похоже, что эта «невеста» работала здесь вахтёршей. Обращаясь к ней, отец сказал:

— Это мои гости!

Вахтёрша окинула семейство пронзительным взором карих глаз и, некультурно указав пальцем на Алексея Владимировича, сказала:

— А вас я знаю. Вы купили у меня картину с дубом, которую никто не хотел брать. Вы меня тогда очень выручили.

— Неужели? — удивился он.

Она кивнула головой и спросила:

— Это ваши детки?

— Да! — ответил Алексей Владимирович.

— Какие милые! А я вот не успела завести детишек. Меня застрелили при нападении бандитов на нашу фуру. Я была незамужняя и поэтому меня похоронили как невесту в свадебном платье. Возьмите мячик для ребяташек, он хоть и китайский, но хорошего качества.

Она высунулась из окошка своей будки и ловко бросила Игорьку ярко-жёлтый мячик с белым иероглифом на боку. Он поймал его и крепко прижал к себе.

— Что надо сказать тётё? — строго спросила Зоя Петровна.

— Спасибо, тётя! — бойко ответил Игорёк. Отец стал подниматься по лестнице, гости последовали за ним. Квартира у него была просторная, трёхкомнатная, с высокими потолками, располагалась на втором этаже, только вот мебели совсем не было.

— Располагайтесь, как дома, а мне надо отлучиться минут на десять. Только сидите тихо, здесь шуметь нельзя!

Он ушёл. Алексей Владимирович сначала помог жене и детям забраться на подоконники, которые были расположены довольно высоко от пола, потом и сам забрался туда же (на пол никому садиться не хотелось, а стульев не было). Посидели, помолчали, но детишки долго не могли вытерпеть, затеяли игру в мяч. Они сначала, молча, бросали мячик друг другу, а потом стали бегать по пустым комнатам и громко топтать ногами по паркету. Конечно, дети при этом весело переговаривались, а Светлана пронзительно визжала, ударяя

ножкой по мячику. Зоя Петровна просила детей не шуметь, но они разыгрались и не слушали её. Тогда родители попытались поймать малышей и усадить опять на подоконник, но дети восприняли это как продолжение игры, смеялись и визжали. В самый разгар этой возни вернулся отец. Он был встревожен и с порога рассерженным голосом сказал:

— Просил же не шуметь! Я позвал вас сюда без разрешения властей. Теперь, если вы не успеете убежать, то останетесь здесь навсегда! Скорее, они уже близко!

Зоя Петровна ринулась к входной двери, но путь преградил отец.

— Туда нельзя! Идите за мной!

Он вывел их на балкон, рядом с которым к наружной стене была прикреплена пожарная лестница. Хорошо, что жил отец на втором этаже, не очень высоко от земли. Алексею Владимировичу пришлось сначала спуститься с Игорьком на руках, а потом со Светланкой. Зоя Петровна спустилась по лестнице последней. Она не успела сказать на прощанье своему отцу ни одного слова. Он ей рта не давал раскрыть, всё время перебивал и очень быстро говорил что-то бессвязное, Зоя так ничего из его слов не поняла. Когда вся семья оказалась на земле, они побежали по улицам, вон из этого города. Зое Петровне всё время казалось, что она слышит топот ног тех, кто за ними гонится, поэтому она свернула в узкий переулок, чтобы сбить их со следа, муж и дети последовали за ней. Они забежали в какие-то дома, мчались через чужие комнаты, вылезали в окна, попадали в тупики, перебирались через заборы. Весь их путь был похож на блуждание в лабиринте. Наконец, они вылезли на какую-то крышу, крытую жостью, и выкрашенную в зелёный цвет. Крыша примыкала вплотную к огромному высокому дубу, крона которого терялась где-то высоко в небе, там её окутывал се-

рый, под цвет неба туман. Зоя Петровна в нерешительности остановилась. В её голове пронеслось: «Куда же дальше?» И вдруг, откуда ни возьмись, на крыше появилась полосатая серая кошка. Зоя Петровна не верила своим глазам. Это была её любимая кошка, которая долго жила у них, а потом куда-то пропала. Она была старая и, скорее всего, ушла подальше от дома умирать, ведь так поступают все кошки.

— Мурка! — воскликнула женщина.

— Мяу! — отозвалась кошка и побежала к дубу, в стволе которого вдруг открылось огромное, размером с входную дверь, дупло. Кошка прыгнула в него, а потом выглянула, словно звала за собой. Семейство быстренько забралось в дупло. На мгновение стало темно, а потом они очутились опять на дороге, но только уже возле въезда в их родной город.

— Мурка, Мурка! — звал кошку Игорьёк, но она так и не прибежала на зов.

И тут Зоя Петровна проснулась. Положив голову ей на плечо, Алексей Владимирович спал, тихонько похрапывая.

— Лёша, проснись, мне такой сон приснился, закачаешься!

Он нехотя открыл глаза, выслушал рассказ жены, а потом спросил, кивнув в сторону картины:

— Не через этот ли дуб мы выбрались?

— Очень может быть! — воскликнула Зоя Петровна. — Тот, что на картине, очень похож на дуб из сна.

Она напрягла зрение, всматриваясь в изображение дерева на картине.

— Это не наша Мурка прячется на ветках?

Алексей Петрович внимательно посмотрел на дуб и среди ветвей тоже увидел серую полосатую кошку.

— Ну да, сидит на ветках Мурка, а с утра её там не было!

Плавочки для Марка

Июньское солнце в это воскресное утро ярко светило в окна небольшого домика Надежды Степановны, где вместе с ней жили её девятилетняя внучка Зина и квартиранты, два студента политехнического института — Коля и Марк.

Надежда Степановна, шустрая худенькая старушка, имея маленькую пенсию, подрабатывала: шила халаты для полных женщин (летом из ситца, а зимой из бумазеи) и продавала их по воскресеньям на вещевом рынке, который в народе называли барахолкой. В советских магазинах (в середине пятидесятых годов XX-го века) почти не продавалась одежда больших размеров, поэтому торговля у Надежды Степановны шла бойко. Соседи, когда ссорились с ней, обзывали её обидным словом — спекулянтка.

— Сами вы спекулянты! — кричала она в гневе, — а я женщина трудящаяся, своими руками работаю, я вам не «купи-продай»!

Добывание материи для халатов доставляло ей много хлопот. Если, к примеру, привозили в магазин дешёвый ситец, то сразу в народе срабатывало «сарафанное радио», и люди говорили друг другу:

— Ситец «выкинули»!

Тут же образовывалась огромная очередь, покупателям неважно было, какая расцветка, лишь бы товара хватило на всех, поэтому из очереди продавцу кричали:

— В одни руки больше трёх метров не давать!

Надежда Степановна всегда брала в магазин внучку Зину, чтобы сразу купить шесть метров. Потом они станови-

лись в очередь опять и опять. Зина не роптала, она знала, что продав халаты, бабушка принесёт с базара что-нибудь вкусненькое — конфеты-подушечки или леденцы в виде красных петушков на деревянных палочках.

Вот и сегодня, Надежда Степановна ни свет, ни заря поехала на барахолку. Зина, проводив бабушку, занялась шитьём нового платья для куклы. Она ловко строчила на бабушкиной швейной машинке «Зингер». Надежда Степановна учила внучку шить, считая, что это очень поможет Зине в будущем. Она часто говорила девочке:

— Умение за плечами не носить, оно всегда пригодится, без куса хлеба ты не останешься!

Из соседней комнаты, где жили бабушкины квартиранты, раздался голос одного из них, тёмноволосого кучерявого Марка:

— Колян, ты не видел мои плавки?

— Нет!

Марк заглянул в комнату, где за машинкой сидела Зина.

— А ты их не видала?

— Нет! Мне бабушка запрещает заходить в вашу комнату, — ответила девочка.

— Куда же они подевались? Мне без них никак нельзя!

Марк и Коля собирались сегодня на водную станцию. Туда должны были прийти Нина и Вика, девушки из их группы. Нина и Коля давно встречались, и дело у них шло к свадьбе, а Марку давно нравилась Вика, но завоевать её внимание ему никак не удавалось, и вот теперь, когда она, вроде бы, проявила к нему интерес, куда-то пропали плавки. Очень не хотелось Марку сегодня предстать перед Викторией в семейных трусах.

— Ты мог их забыть в раздевалке прошлый раз, — сказал Коля.

Марк нервно забегал по комнате.

— Дай мне твои плавки, сегодня они мне нужнее, чем тебе! — воскликнул Марк.

— Это ещё почему?

— Как ты не понимаешь! Вика — дочка полковника, отец в ГДР служит, у неё все шмотки заграничные, а я приду, как дурак, в труселях! А вы с Ниной без пяти минут муж и жена, да ещё оба из одной деревни. Она тебя в трусах видела перевидела! Ей всё равно, в плавках ты или в трусах! Не будь вредным!

Лицо у Коли вдруг покраснело от злости, густые брови сошлись у переносицы, серые глаза засверкали.

— Значит, для полковничьей дочки надо быть в плавочках, а для девушки из колхоза и в трусах сойдёт?

— Да ведь я не это имел в виду, — пытался оправдаться Марк, но Коля был непреклонен:

— Не дам плавки!

«Эх, не везёт! — подумал Марк, — бегать по магазинам в поисках плавков времени нет, да и гарантии нет, что они есть сегодня в продаже. Была бы хозяйка сейчас дома, она бы мне плавки из трусов быстренько соорудила!» В это время он услышал из соседней комнаты равномерный стук — это Зина шила на швейной машинке. Марк побежал к ней.

— Зина, вся надежда на тебя! Понимаешь, мне побыстрому надо сшить плавки из трусов...

Девочка перестала шить, и, глядя на Марка своими большими светло карими глазами, тихо сказала:

— А я не умею плавки кроить, бабушка ещё не научила.

— Да я сам отрежу от трусов, где надо, твоё дело на машинке строчить!

— Это я могу, — ответила Зина.

В те времена мужчины не носили цветные трусы, у всех они были чёрного цвета. Работа закипела. Марк несколько раз примерял плавочки, смотрел, где прибавить, где убавить. Наконец, он остался доволен изделием. Только вот ему хотелось, чтобы сбоку плавки застёгивались на пуговицы, а у бабушки в шкатулке лежали только крупные пуговицы для халатов: белые, красные, зелёные, синие, а вот чёрных (под цвет плавок) не было. Коля наблюдал за процессом пошивки плавок и покатывался от смеха, когда Марк примерял их перед большим зеркалом в прихожей, но потом и он включился в процесс, подкинув идею: вместо пуговиц пришить завязки.

— Из чего же мне шить завязки? — спросила Зина, — лоскуты остались короткие, если даже их сострочить, чтобы сделать завязки длиннее, то просто не хватит материала.

— Надо ещё одни трусы порезать на завязки, — предложил Коля.

— Ещё чего выдумал! — воскликнул Марк, — жалко ещё одни трусы резать, лучше сделать завязки из шнурков от ботинок!

Так и сделали. Марк в последний раз примерил плавочки, завязав на бантики все четыре завязки. Коля, оглядев друга с ног до головы, сказал:

— Надо признать, у вас с Зиной получилось что-то особенное!

Он изрёк это таким тоном, что было не понятно, хвалит он самоделку или издевается, но у Марка не было времени задуматься, надо было спешить на водную станцию. Парни ушли, а Зина побежала к подружке.

Когда бабушка вернулась домой, она обнаружила возле швейной машинки обрезки от чёрных мужских трусов. «Ох, и задам я трёпку Зинке за баловство! Не иначе как трусы у

квартирантов взяла и порезала на кукольные платья!» — подумала она. Потом Надежда Степановна занялась делами по хозяйству и на время забыла о проделке внучки, зато вечером она устроила Зине допрос.

— Ты зачем чужие вещи берёшь? Разве я тебя этому учила? — грозно спросила она у Зины.

— Я не брала, он сам принёс.

— Кто принёс?

— Марк! Мы с ним из его трусов плавки шили, потом он примерял, потом опять шили.

— Ах ты, бесстыдница! Мала ты ещё взрослым парням плавки примерять!

Коля пришёл на шум и заступился за девочку.

— Надежда Степановна, не ругайте Зину, она Марка сегодня выручила. Кстати, плавки получились вполне... симпатичные. Они были сегодня «гвоздём программы» на водной станции!

— Заткнись! — послышался из комнаты квартирантов голос Марка.

— Это он злится, что вынырнул без плавков, — почти шёпотом тихо сказал Коля.

— То есть как без плавков? — удивилась Надежда Степановна.

— А так! С вышки прыгнул в плавках, а вынырнул без них. Говорит, что завязки оторвались...

Услышав это, Зина заплакала. Сквозь слёзы она всё повторяла:

— Это я виновата, надо было крепче пришивать...

— Не нравится мне всё это, — громко (чтобы и в комнате квартирантов было слышно) сказала бабушка, — ищи-ка, Марк, себе другую квартиру!

Такого поворота событий никто не ожидал. Марк, с обидой в голосе, спросил хозяйку:

— За что вы меня гоните? Я ничего плохого не сделал!

— Думать головой надо, ты не маленький! — в сердцах воскликнула бабушка.

— Бабуля, не прогоняй его, я больше не буду плавки шить! Марк мне задачки по арифметике решает! Как же мне без него?

— Вот оно как! — воскликнула бабушка. — Надо будет, Коля поможет.

— Просила я его, да он отказал. Сказал, чтобы сама училась решать, а не хитрила с малых лет. А я не хитрю, просто у меня голова от этих задачек сильно болит! — и Зина опять залилась слезами.

Надежда Степановна вдруг вспомнила, как у неё тоже болела голова от напряжения, когда она, уже взрослая девушка, училась грамоте в «Ликбезе». Злость на Марка и внучку куда-то улетучилась, глаза подобрели. Зина, почувствовав перемену в настроении бабушки, заплакала ещё жалобнее. Надежда Степановна обняла её, поцеловала и успокоила:

— Ну, не плачь, не плачь, внученька! Пущай Марк остаётся.

Первое задание

Приближалась двадцатая годовщина победы над гитлеровской Германией. Юный корреспондент, девятиклассница Зина Печкина, получила задание от редакции городской газеты «Ленинское знамя» написать заметку о жительнице города Марии Ивановне Поповой. Давая девушке задание, руководитель юных корреспондентов, журналист Гастон Петрович Бедовой, хитро прищутив серые насмешливые глаза, сказал:

— Надеюсь, Зина, ты напишешь толковую заметку!

«И чего это он прищурился?» — с тревогой подумала она. Девушка знала, что Гастон Петрович любит подшутить над своими подопечными. Тому, над кем он пошутил, бывало очень горько и обидно. Некоторые ребята из-за этого перестали посещать кружок, а Гастон Петрович в таких случаях говорил:

— Кишка тонка! Не бывать ему журналистом!

Зина поняла, что пришёл её черёд, но от задания она не отказалась, решив выполнить его, во что бы то ни стало. Бабушка Зины испекла пирог с яблоками и сказала:

— Надо к этой Марии Ивановне идти обязательно с гостинцем!

Кроме пирога она дала девушке жестяную коробочку с леденцами «Монпансье».

— Пожилые люди такие конфеты любят, я их тоже люблю! — пояснила она внучке свой выбор конфет.

Переулок Вишнёвый, где проживала Мария Ивановна, располагался совсем недалеко от центра города и оправды-

вал своё название: перед каждым выбеленным известью одноэтажным домиком посажены были вишнёвые деревья. Несмотря на близость центра, переулок напоминал тихую деревенскую улочку. Тротуаров не было, а грунтовая проезжая часть дороги, петляя, спускалась по холму вниз и упиралась в тупик. Зина нашла домик Поповой, постучала в калитку, и тут же послышался звонкий собачий лай.

— Иду, иду! — послышался со двора женский голос.

Калитка открылась, и Зина увидела невысокую полную женщину лет шестидесяти в пёстром линиялом платье и в галошах на босу ногу. На голове у неё была повязана белая косынка в чёрный горошек, а из-под неё выбивались на висках седые кудряшки. Сквозь толстые стёкла очков пытливо смотрели карие глаза.

— Фу, Шарик! — прикрикнула хозяйка на кругленького пушистого щенка с хвостиком крендельком.

— Здравствуйте! Вы Мария Ивановна Попова? — волнуясь, спросила девушка.

— Да.

— А я — юнкор Зина Печкина, из редакции «Ленинского знамени». Мне поручили написать заметку про вас к юбилею Победы.

— Заходи, дитё, — вздохнула Мария Ивановна, — тебя, наверно, Гастонка прислал.

— Гастон Петрович наш руководитель, а вы откуда его знаете?

— Мне ли его не знать! Вырос он в нашем переулке.

— А это вам! — Зина протянула пирог и конфеты Марии Ивановне.

Хозяйка дома смущённо улыбнулась и повела Зину в дом.

— Проходи, дитё в залу, а я мигом чайник поставлю!

Зина достала карандаш и блокнот. Шариковые ручки тогда были редкостью, а наливную авторучку девушка брать с собой побоялась, а ну как чернила протекут и испачкают всё вокруг. Когда Мария Ивановна вернулась в зал, Зина робко начала её расспрашивать:

— Гастон Петрович говорил, что к вам в дом во время оккупации города гитлеровцами подселили немецких собак. Расскажите, как это получилось.

— Ох, дитё! Сколько уж раз я юнкорам рассказывала, а в газете про меня ничего не написали! Уж соседи надо мной ржут как кони. Право дело, обидно! А собак у меня поселили по моей дурости. Как стали немцы по дворам ходить и на постой становиться, я по комнатам в своём доме собачьи кучки раскидала. Думала, что немчуру это отпугнёт и на постой у меня они не станут. Да только я просчиталась. Зашли немцы в хату, офицерик ихний принюхался и сказал: «Фуй!», а сподручные его на кучки показывают, что на полу раскиданы. Немец стал красный, как буряк, зенки засверкали, я думала, что спалит меня взором или прибьёт, а он сказал только одно слово: «Гут!»! Заткнул нос беленьким платочком и вон из хаты. Я обрадовалась, думала, что пронесло. Ан, нет! Скоро два солдата привели немецких овчарок — четырёх здоровущих кобелей. Мне велели кучки прибрать, полы помыть. И стали те кобели жить в зале, а в спальне — солдаты, которые при собаках. А меня из дома выгнали. Хорошо, что была во дворе летняя кухнёнка, в ней и стала я жить.

Послышался свист кипящего чайника из кухни.

— Ох, ты! Про чайник-то забыла! — и Мария Ивановна помчалась на кухню.

У Зины из глаз закапали слёзы. Она плакала потому, что про собачьи кучки заметку не напишешь. Кто же станет печатать про это в газете?

Девушка упрямо трянула головой и вытерла слёзы. «Ну, уж нет! Просто так я не сдамся!» — подумала она.

Мария Ивановна заглянула в зал и позвала Зину на кухню. Она поставила на стол розетки с разными сортами варенья и баночку мёда. Пирог порезала на кусочки, налила чай в крупные чашки, украшенные узором в красный горошек на белом фоне.

— А как ваши постояльцы вели себя по отношению к вам? — спросила Зина.

— Солдаты, понятное дело, каждый день приходили, требовали: «Матка, млеко, яйки!» Коровы у меня не было, я козу держала. Коза молока даёт всего ничего по сравнению с коровой, и мне самой иногда молока не доставалось, всё фрицы выпивали. Ну, а куры, слава Богу, неслись. Два раза в неделю меня немцы звали полы в доме мыть. Иногда приносили постирать бельё. За это они мне мыло давали, шоколад или консервы. Почти каждый день за собаками приезжал грузовик и увозил их куда-то вместе с их поводьями, тогда я могла по своему двору ходить куда захочу, но в дом заходить боялась. А однажды, как раз тогда, когда собак увезли, забежали ко мне во двор Гастонка с каким-то белобрсым мальчишкой и сразу — шашь в кухнёнку, и под кровать!

— От кого хоронитесь? — спрашиваю.

— Не выдавай нас, тётя Маня! — отозвался из-под кровати Гастонка, а голосишко-то дрожит от страха. — Если нас поймают, то нам крышка.

— Вылезайте из-под кровати, — говорю им. — Ненадёжное это место. У меня на постое фрицы с кобелями. На ваше счастье их сейчас дома нет. Надо вам отседова уходить.

Стали они из-под кровати вылезать, уронили свёрток, а из него посыпались листовки рукописные. Я такие на забо-

рах видела, а полицаи их сдирали. Ох, как же я испугалась! Ведь за такое запытают до смерти в гестапо!

— Да кто ж это вас надоумил писать листовки?

— Никто, мы сами придумали!

— Хотела я энти листовки сразу в печке спалить, да мальчишки не дали. Сказали, что бумагу достать трудно, да и писали они листовки долго, жаль потраченного труда. Что делать? А на дворе поздняя осень, листья все с деревьев и кустов слетели, не спрятаться, не пройти незаметно. Заперла я мальчишек в курятнике, а сама взяла метлу и вышла за ворота на улицу, вроде как листья подмести возле двора. Мету, а сама по сторонам зыркаю. Вижу, как домов за пять до моего, два полицаи о чём-то соседа, деда Матвея, спрашивают, а он им показывает рукой в другую сторону от моего дома. Выждала я, пока полицаи из виду скрылись, и побежала к мальчишкам. Гастонка теперь мог свободно к себе домой идти, он жил от меня недалеко, через несколько домов, а вот белобрысый Миша жил на одной из соседних улиц, и полицаи, которые сейчас рыскали в нашем районе, могли его узнать, ведь они видели, как Гастонка с Мишей клеили к забору листовки. Мальчишкам повезло, они успели убежать, бросив котелок с клеем и кисть. Очень я волновалась, ведь надо было торопиться, в любой момент могли вернуться солдаты с собаками. Гастонка меня вдруг спрашивает:

— Тётя Маня, а если мы переоденем Мишку в девчонку, вы отведёте его домой? Один он может не дойти.

«Вот ведь какой выдумщик, я бы сроду до этого не додумалась!» — пронеслось у меня в голове. Однако, куда они листовки деть собираются? Мне они тут не нужны, потому я и спросила:

— Вместе с листовками вести?

— Нет, листовки я у себя спрячу! — сказал Гастонка. — Сейчас сбегаю домой, принесу одежду сестры, я — мигом!

Переодели мы Мишку. Славная получилась из него девочка! Его одежду я сложила в большой платок и завязала его узлом. Идём мы с ним по улице, у меня в одной руке узел, в другой мишкина рука, сердце замирает, душа в пятки уходит. Видели мы и тех самых полицаев. Они по улице ходили, на которую их услал дед Матвей. Нам по ней тоже надо было пройти по пути к дому Мишки. Мальчонке, видать, тоже страшно было. Вцепился в мою руку, пальцы холодющие, но ничего, прошли мы мимо полицаев и они нас не остановили. Мишкина мать, когда открыла нам дверь, охнула и схватилась за сердце. Когда я ей всё рассказала, она так посмотрела на Мишку, что сдаётся мне, когда я ушла, она его хорошенько выпорола.

— Так наш Гастон Петрович был подпольщиком? — удивлённо спросила Зина.

— Ну, да! Был тогда в городе подпольный пионерский отряд, а руководил им Борька Булатов, четырнадцати лет отроду, остальные подпольщики были младше, лет по десять-двенадцать. Ох, и бедовые они были! Через это, я думаю, Гастонка фамилию поменял. У него фамилия по отцу не Бедовой, а Наливайко. Бедовым он стал, когда в газете начал работать. А имя чудное мать ему дала, уж очень она любила читать романы, а там всё Альфреды, Роланды да Гастоны. Ребятишки-подпольщики не только листовки клеили, они портили фрицам машины — прокалывали шины, резали провода связи, кидали еду через колючую проволоку заключённым концлагеря, который был возле одной из школ города. Полицаи, что охраняли концлагерь, даже стреляли по ним. Но про этот отряд я узнала только после освобождения горо-

да. А при немцах я думала, что Гастонка с Мишкой сами по себе, и ни в какой организации не состоят.

Зина была очень довольна тем, что услышала от Марии Ивановны. Теперь она знала, о чём напишет в заметке, и не скажет Гастон Петрович при всех:

— Что, Зина, кишка тонка? Не бывать тебе журналисткой!

Когда она уже собиралась уходить, Мария Ивановна сказала:

— Обидно мне! Вот и пионерам-подпольщикам я помогла, а никто этого не знает! Зато про то, что у меня немецкие кобели в доме жили, все на нашей улице знают и кличку мне дали — Манька-собашница! До сих пор меня так за глаза кличут!

Утраченный автограф А.С. Пушкина

---

*Конечно, вы не раз видали
Уездной барышни альбом...
.....
Какой-нибудь пист армейский
Тут подмахнул стишок злодейский.
В такой альбом, мои друзья,
Признаться, рад писать и я...*

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин», глава IV

Однажды по телеканалу «Культура» показали передачу о так называемом «донжуанском» списке А.С. Пушкина. На следующий день пенсионерки из нашего дома живо её обсуждали. Они сидели на лавочке под раскидистой старой липой, которая росла во дворе. На небе собирались тучки, было душно, дело шло к дождю. Липа обильно цвела, её сладковатый аромат щекотал ноздри и дурманил голову.

Наталья Петровна — седая, полная старушка (в прошлом учительница русского языка и литературы), обмахиваясь газеткой, говорила соседкам:

— «Донжуанский» список Александра Сергеевича гораздо больше, чем принято считать. Даже я была знакома с правнучкой одной дамы, у которой с Пушкиным был роман.

— Да что вы! — всплеснула руками соседка с третьего этажа Галина Ивановна. — Как интересно!

Довольная произведённым эффектом, Наталья Петровна продолжила:

— Наша семья в конце пятидесятих годов жила в Пензе. Мне тогда было лет десять, а Елене Викторовне, правнучке той самой дамы — под восемьдесят. Старушка эта часто приходила к моему двоюродному деду Ивану «проведать» свой альбом, вернее, альбом её прабабушки.

— Погодите, погодите! Если альбом принадлежал её прабабушке, то почему он оказался у вашего двоюродного деда? — спросила рассказчицу другая пенсионерка, Мария Гавриловна.

— Конечно, тут надо пояснить, что к чему. Дело в том, что мой двоюродный дед Иван Дмитриевич служил диаконом в церкви, а ходили туда в советские времена только старушки. Молодые, сами знаете, были поголовно атеистами. В среде престарелых прихожанок он славился добротой и уважительным отношением к людям. Если кто-то из прихожан подавал записку помянуть покойных, то он читал её громко и чётко. Зычный голос Ивана Дмитриевича проникал во все уголки церкви. Людям это нравилось. Не то было у других служителей — те бормотали неразборчиво себе «под нос». Наружность у Ивана Дмитриевича была приятная. Вы не замечали, что у некоторых людей бывают такие лица, что сразу вызывают к себе расположение? У моего двоюродного деда было именно такое лицо! Рясу он надевал только в церкви, а когда шёл по улице в элегантном сером костюме с большим портфелем в руках, то можно было подумать, что идёт профессор из университета.

Престарелые прихожанки были, в основном, одиночками. Иван Дмитриевич часто помогал им, чем мог. Подобно тому, как брошенные хозяевами котята, ласться к тем, кто их покормит и приласкает, так одинокие старушки искали теплоты и участия у доброго диакона. А когда бабушки чув-

ствовали, что приближается неизбежный конец их земного существования, то несли ему всё самое дорогое.

— Вот, поди, нажился диакон! — воскликнула Мария Гавриловна, встряхнув кудрями своей шестимесячной завивки.

— Фу, как пошло! — заметила Наталья Петровна, — у тех старушек деньги не водились, самым дорогим для них была память о былом! Поэтому несли они моему двоюродному деду свои девичьи альбомы с фотографиями, рисунками, стихами. Иногда приносили подшивки старинного журнала «Нива». Обычно старушка, вручая деду Ивану своё «сокровище», говорила:

— Иван Дмитриевич, я знаю, что пока вы живы, мой альбом будет в целости и сохранности, а уж потом... Может, когда-то всё переменится, будет у людей интерес к моему альбому — в музей его определяют или в архив. Сейчас никуда не берут. Возьмите, Христа ради, а то, как помру, всё ведь на свалку стащат.

Альбомы и журналы престарелых прихожанок дед хранил в массивном комод. Иногда случалось, что после того, как старушка уже отнесла альбом Ивану Дмитриевичу, здоровье её вдруг шло на поправку, и тогда она приходила проведать своё «сокровище». Дед приветливо встречал гостью. На стол обычно ставили нехитрое угощение: варенье, булочки, оладьи, домашние пирожки; в стеклянной вазочке обязательно лежали конфеты-подушечки. После чая доставали из комода «сокровище», и владелица с упоением листала свой альбом.

— Может, заберёте назад? — спрашивал Иван Дмитриевич.

— Нет, — обычно отвечала старушка, — у вас надёжнее.

Елена Викторовна тоже приходила к деду «проведать» альбом своей прабабушки.

— А какая она была? — спросила Галина Ивановна.

— Небольшого роста, худенькая, волосы седые, кудрявые. Если повернётся в профиль — вылитый Александр Сергеевич (как на его автопортрете, который он нарисовал пером).

— И с бакенбардами? — ехидно спросила Мария Гавриловна.

— Ну, вы скажете! — засмеялась Наталья Петровна, — конечно без них! Но вот что было забавно: Елена Викторовна, зная о внешнем сходстве с Пушкиным, часто (без всякой на то надобности) поворачивалась к собеседнику своим профилем.

— А может, она... была потомком Пушкина? — предположила Мария Гавриловна.

— Откуда мне знать, она об этом никогда не говорила. Рассказывала только о своей прабабушке Каролине Адамовне. Судя по рассказам Елены Викторовны, прабабушка была женщиной незаурядной, но всю жизнь её сопровождала скандальная слава. Она родилась в знатной, но обедневшей польской семье. Совсем юной её выдали замуж за богатого помещика, который владел землями близ города Подольска. Муж был старше Каролины на тридцать лет. Видимо, ей не по нраву пришлась жизнь с ним, она сумела развестись, что в те времена было очень непросто, и уехала в Одессу. Там она сошлась с высокопоставленным чиновником, который ради неё бросил семью. Жили они открыто, не таясь. Другого бы государственного служащего (хоть и высокопоставленного) за такой безнравственный поступок прогнали бы с позором со службы и отлучили от церкви. Но в Петербурге у сожителя Каролины Адамовны был влиятельный покрови-

тель, поэтому ему всё сходило с рук, его приглашал на свои балы и званые вечера даже губернатор. Каролина Адамовна слыла одной из самых красивых дам в городе, любила искусство, прекрасно играла на пианино. Она организовала свой салон, где собиралось отборное мужское общество. Его посещали поэты — Александр Пушкин и Адам Мицкевич. Ходили слухи, что у неё были мимолётные романы и с тем, и с другим. Позже Пушкин и Каролина Адамовна встречались в Петербурге, куда она приезжала погостить. Одесских дам в свой салон Каролина не приглашала, да они бы и не пришли (презирали её за незаконное сожитительство).

— Нелегко ей приходилось, — заметила Мария Гавриловна.

— Не то слово! Нервы у неё, видать, были железные. По словам Елены Викторовны, своё незавидное положение в обществе она несла гордо: не обращала внимания на глухой рокот негодования и презрительные взгляды дам. Местные аристократы не присылали ей приглашений на балы и званые вечера, но Каролина Адамовна демонстративно появлялась там, и хозяева не смели её прогнать. При этом на лице её не было и тени смущения. Она садилась на лучшее место, как королева на трон. Её всегда окружал рой поклонников.

— А что было в том альбоме? — спросила Галина Ивановна.

— Стихотворения, посвящённые Каролине Адамовне её поклонниками. Елена Викторовна показала нам, какое из них написано рукой Пушкина. Рядом с этим стихотворением нарисована была женская головка с огромными чёрными глазами, а чуть ниже — ножка в бальном башмачке, которая выглядывала из-под кружевной юбки. Стихотворение Пушкина было написано по-французски. Никто в нашей семье французский язык не знал. Зато Елена Викторовна говорила

и писала на нём с детства. После долгих уговоров она однажды прочитала это стихотворение вслух по-французски, а потом перевела на русский. Стихи, конечно, воспевали красоту Каролины и её резвые ножки. В альбоме видела я и другие рисунки. Казалось, что авторы соревнуются, рисуя друг на друга забавные шаржи.

Надюшка (дочка Ивана Дмитриевича) однажды спросила у Елены Викторовны, помнит ли она фамилию Каролины Адамовны, ведь ни разу, рассказывая о прабабушке, она не назвала её по фамилии. Елена Викторовна усмехнулась и ответила:

— Фамилию-то я помню, но никому не скажу.

— Почему?

— А потому, милая барышня, чтобы не позорить доброе имя семьи.

— Вот умница, уважаю! — воскликнула Галина Ивановна, — видно, в пятидесятые годы ещё оставались у людей остатки совести. В наше время свой позор на показ по телевизору выставляют, и даже слово для этого придумали — пиар! Тьфу!

Мария Гавриловна заёрзала на лавке и возмущённо воскликнула:

— А, по-моему, так эта Елена Викторовна — дура! Кому теперь есть дело до неприличного поведения прабабушки? Какой бы она ни была, сам великий Пушкин про неё написал! Дамочек по имени Каролина было в те времена, наверное, много. Теперь вот никогда не узнаем, которой из них Пушкин стишок посвятил!

— Надо было этой Елене Викторовне с альбомом прабабушки в Москву поехать, учёным-пушкинистам его показать. Может, купили бы! Для них — находка, а ей — копеечка! — сказала Галина Ивановна.

— О чём вы говорите! — всплеснула руками Наталья Петровна, — она старая была, еле ходила. Где бы в той Москве она искала пушкинистов? Опять же, на какие шиши ехать?

— А дети у Елены Викторовны были? — спросила Мария Гавриловна.

— Нет, она была одинокая. Так до самой смерти и ходила «проведывать» альбом своей прабабушки к деду Ивану. Похоронили её на кладбище возле Никольской церкви, где он служил.

— Наталья Петровна, а куда же делся альбом?

— Он так и лежал в комод у Ивана Дмитриевича. А я выросла и уехала в другой город. Через много лет, когда уже ни деда Ивана, ни его жены не было на свете, пришло мне письмо от Надюшки, в котором она делилась своей радостью: их старый деревянный дом собирались снести, и её семья получила двухкомнатную благоустроенную квартиру в новом районе. Тащить рухлядь в новую квартиру ей не хотелось. Пыталась она пристроить старинные альбомы и журналы, но ни в музей, ни в архив «сокровища» из комода не взяли. Надюшке сказали, что исторической ценности всё это не представляет.

— А она им про автограф Пушкина говорила? — спросила Галина Ивановна.

— Может, и говорила, да, видать, они ей не поверили, или возиться не захотели. Это ж целое дело, в разные инстанции писать. Хотя, конечно, могла она про автограф начисто забыть, ведь столько лет прошло! Так и стоял комод с альбомами в старом доме. Надюшка собиралась перевезти его на дачу, но не успела. Сносить дом почему-то никто не торопился, и стали в него захаживать все, кому не лень. Соседи растащили, что получше, из оставленных вещей, а по-

том в нём стали ночевать бомжи. В одну из тёмных осенних ночей случился пожар, и всё сгорело.

— Надо было с вывозом на дачу поторопиться! — возмущённо воскликнула Мария Гавриловна.

— Что теперь об этом говорить! Не поторопилась Надюшка... — вздохнула Наталья Петровна.

Где-то вдалеке глухо зарокотал гром, налетел ветер, осыпая цветки старой липы. Небо разрезали тонкие змейки молний. Пенсионерки засемили к дому, а с неба уже падали первые крупные капли дождя...

СОДЕРЖАНИЕ

Повести

Сельский ухажёр

Глава I. Свежи ещё воспоминанья	5
Глава II. Принцип несовпадения.	7
Глава III. Бдительный куратор	10
Глава IV. Танцы в сельском клубе.	15
Глава V. Печальная история	21
Глава VI. Загадочный ухажёр	23
Глава VII. Баба Маня	26
Глава VIII. Беспокойная ночка	29
Глава IX. Удивительное — рядом.	36
Глава X. Несбывшиеся надежды «Аполлона».	42
Глава XI. Прощальный костёр	45
Эпилог	54

Аннушка

Глава I. Домик на холме.	57
Глава II. Подруги	63
Глава III. Рецепт от греха.	67
Глава IV. У чужой тётки.	71
Глава V. Митенька	76
Глава VI. Виктор.	79
Глава VII. «Ходя» и «ходина бабушка»	82

Глава VIII. Мечь Валентины	86
Глава IX. Последняя встреча	88
Глава X. Разлука	90
Глава XI. Прощание	95
Глава XII. Возвращение	100

Рассказы

Остановка в Тифлисе	105
Безотцовщина	116
Дуб	122
Плавочки для Марка	129
Первое задание	135
Утраченный автограф А.С. Пушкина	142

Ольга Ткачёва

ПОВЕСТИ. РАССКАЗЫ

В авторской редакции
Верстка и оформление И. Сиренко
Директор издательства А. Береговой

Издательство Литературного фонда
России «Донской писатель»
344000, Ростов-на-Дону,
пр. Шолохова д. 1 оф. 2
тел. 8-918-599-67-51
e-mail: donpisatel@yandex.ru

Подписано в печать хх.хх.2021 г.
Формат 60x84 1/16 Объем 7 у.п.л. 152 стр.
Обложка лен 4+0, склейка биндер.
Тираж 200 экз.
Гарнитура Times New Roman